

Ты - моя
ОШИБКА

Ники Сбю

Ники Сью

Ты - Моя ошибка

«Литнет»

2022

Сью Н.

Ты - Моя ошибка / Н. Сью — «Литнет», 2022

Книга вышла НА БУМАГЕ. Мы встретились случайно, в пустом холодном коридоре, когда я сгорала от ненависти к бывшему. Обида захлестнула меня, и вдруг рядом появился он — загадочный, мрачный и безумно притягательный. Парень с серо-голубыми глазами стал для меня орудием мести, попыткой склеить осколки разбитого сердца. Я не хотела, чтобы нас что-то связывало, не желала даже знать его имени. Мы не должны были встретиться снова... Но оказалось, Ник учится со мной в одном университете. Теперь он не даст мне прохода. Смогу ли я забыть то, что произошло между нами? Или шагну за ним в пропасть?..ИСТОРИЯ ЛУЧШЕГО ДРУГА НИКИТЫ - РОМЫ ФИЛАТОВА - ВРЕДИНА ДЛЯ МАЖОРА

© Сью Н., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 01 - Ульяна	5
Глава 02 - Ульяна	8
Глава 03 - Ульяна	12
Глава 04 - Ульяна	16
Глава 05 - Ульяна	19
Глава 06 - Ульяна	23
Глава 07 - Никита	26
Глава 08 - Никита	31
Глава 09 - Ульяна	34
Глава 10 - Ульяна	38
Глава 11 - Ульяна	41
Глава 12 - Ульяна	45
Глава 13 - Ульяна	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 01 - Ульяна

– Что-то Жени давно нет, – вздохнула я, подперев ладошкой подбородок. Сидеть в шумной компании, где ты почти никого не знаешь, то еще удовольствие. Я бы и не пошла никогда. Во-первых, задали много на понедельник, во-вторых, Света Синицына, а если точнее – ее день рождения. Она была его лучшей подругой, поэтому пропустить столь важный праздник нельзя. Ну а без меня Женька идти, ясное дело, не хотел. Пришлось согласиться.

– У тебя серьезная выдержка, – усмехнулся Розовский, парень, который то ли на первом, то ли на втором курсе встречался с Синицыной. Вообще, с кем она только не встречалась. О таких как Светка обычно говорят: «что-то есть в ней магнетическое». Внешне она не сказать, что «девочка с обложки» да, высокая, да, шикарные длинные волосы, да улыбка обаятельная. При этом Света не была худышкой, заядлой модницей или гуру в соблазнении парней. Но она обладала невероятной уверенностью в себе. Порой я ей даже завидовала. Они с Женькой дружили с первого класса: жили в одном подъезде, на одной лестничной площадке. Вот и в общагу переехали вместе. Только Иванов обосновался на втором этаже, а Светка на третьем.

Общие знакомые частенько подтрунивали, мол: «Уля, ну у тебя и стойкость. Мы бы от ревности сгорели». Знали бы они, что и я сгорала. Потому что в наших отношениях с Женей Синицына занимала законное третье место. В душе я ненавидела ее, но старалась быть милой и дружелюбной.

Вот и сегодня пришла на день рождения Светки в общагу, и даже выпила два стакана вина, хотя обычно не пью. Пыталась улыбаться, вливаться в разговоры. Все ради Иванова, который минут сорок назад вышел, и до сих пор не появился.

Сперва я думала, покурит с друзьями, вернется. Однако не только Женя не возвращался, но и Синицына, которая вместе с парнями улизнула на улицу на перекур, продолжала отсутствовать. Девчонки в общежитии все курили, я же с детства ненавидела сигареты.

Время шло... Гости стали один за одним приходить в комнату, кое-кто уже успел пропустить стаканчик другой, а моего парня и его лучшей подруги до сих пор не было.

– Отойду в туалет, – соврала я и поднялась. Кое-как протиснувшись среди пьяной толпы студентов, шмыгнула в пустой темный коридор и побрела в сторону лестницы. Вытащив телефон, я набрала Жене, послушала бесконечные гудки и сбросила. Очевидно, трубку брать он не планировал.

Когда я вышла на улицу, то подняла голову, всматриваясь в небо, усыпанное звездами. Осенью не всегда можно увидеть мерцающие огоньки, из-за хмурой погоды небо затягивают тучи, но сегодня довольно ясно. Оглянувшись по сторонам, я поняла, что Иванова здесь нет. Скорее всего, он где-то в общежитии. Я могла бы обидеться, написать сообщение в духе «искала и не нашла», плюнуть на все и отправиться домой. Но интуитивно мне почему-то хотелось найти своего парня.

Глубоко вздохнув, я еще раз оглянулась по сторонам, выглядывая Женьку, а затем вернулась в здание. Милая бабушка-консьержка, которая зачитывала очередной любовный роман до дыр, меня даже не заметила. Видимо, чтиво увлекло. Проскочив мимо, я направилась на второй этаж. Но и там меня ждала неудача: комната Женьки оказалась закрытой. Тогда я решила подняться на третий, к Светке. Мало ли. Хотя, положила руку на сердце, очень не хотелось застать их там. Вроде совместные посиделки организованы внизу, чего уединяться?

Спальня Синицыной тоже была под замком. Где-то внутри я выдохнула – лучше так. А потом снова напряглась: если не здесь, то где искать Иванова? Трубку не берет, онлайн его нет. Может, в самом деле, стоит домой поехать?

На четвертый этаж поднялась просто так, раз уж брожу по темным коридорам, почему бы не заглянуть и выше. В округе стоял запах, как на факультете физры в Новый год: смесь

соленых огурцов и водки. В одном конце коридора играла громкая музыка, старый хит Макса Коржа «Эндорфин». На кухне горел свет, видимо там кто-то готовил, кажется, это была жареная картошка. В другой стороне — тишина и пустота, только дверь в туалет открыта.

Сперва я заглянула в комнату, откуда доносились звуки известной песни. Трое пьяных парней замахали мне руками и стали активно зазывать к себе. Теперь понятно, откуда веяло сорокоградусными напитками: количество бутылок с алкоголем на столе зашкаливало. Чудо, что они не затащили меня внутрь силой. Хотя, судя по лицам, планировали.

Я быстренько покинула комнату и замерла в коридоре, размышляя как быть дальше. В сторону туалета идти особого смысла не было — вряд ли Женька там. А потом подумала, ну что я теряю? Загляну на всякий случай. Вдруг ему плохо стало? Или подрался с кем-то. Иванов не особо драчливый, но бывает, заносит.

В метрах двух от туалета, я остановилась: услышала странные звуки. Что-то похожее на женский «ох» или «ах», не стон, скорее протяжный вздох. По наивности я подумала, что кому-то нездоровится и надо помочь. Поспешила скорее, но буквально через пару шагов остановилась. Мне показалось, сердце на долю секунды перестало биться.

В маленькой узкой комнатке, на столе с раковиной сидела Синицына, а рядом с ней... стоял Женька. Мой Женька. Светка обхватила его за шею, а он скользил руками по ее талии под майкой.

Меня будто прошиб электрический разряд, раздробив каждую косточку. Я бы закричала, но почему-то не смогла. Я бы забежала в эту проклятую туалетную комнату и зарядила пощечину Жене, но продолжала, наблюдать, как мой парень наматывал на кулак волосы своей лучшей подруги, как с ее губ срывался стон наслаждения.

Это точно не сон?..

Они сейчас... Как же так? Как?

И больше ни единой мысли.

Я вжалась в стенку, пытаясь устоять на ногах, и зажала ладошкой рот, продолжая слушать проклятые звуки. Они подобно пулям, проникали в мою грудь и оставляли там глубокие раны. Я смотрела и смотрела, а в голове мелькали образы наших поцелуев, объятий, долгих разговоров. Воспоминания ранили не хуже, чем открывшаяся правда.

Что делать в таких ситуациях? Как реагировать? Ворваться к ним и начать задавать вопросы? Или развернуться, уйти тихо и неслышно, а затем вычеркнуть из своей жизни того, кто клялся в вечной любви...

Я растерялась. Разве кто-то бывает готов к измене? Это как кирпич, который упал на голову по среди белого дня. Вроде, казалось бы, что безопаснее тропы нет, ходишь по ней каждый день, все хорошо. И по сторонам не нужно оглядываться. А оно вон как...

В глазах защипало, но слез почему-то не было. Только боль. Тупая, ноющая, будто в спину вонзили нож. А еще воспоминания: яркие, нежные...

Наши воспоминания.

«Ты будешь моей девушкой».

«Уль, какая ты красивая у меня».

«Только с тобой я чувствую себя счастливым».

«Хочу просыпаться и засыпать вместе».

Я поджала губы. Не хочу. Ничего не хочу. Как он может там с ней?! На место обиды пришли злость и непонимание. Стало невыносимо слушать эти звуки. Еще немного и я бы точно закричала, несмотря на то, что крепко сжимала рот ладонью. Я стала бочком двигаться назад, пора уходить отсюда.

А потом... неожиданно уперлась спиной в чью-то грудь. Кожу шеи обожгло горячее дыхание. Чужие руки легли на мои плечи, запах табака, древесины и цитруса окутал пространство вокруг. Я не успела обернуться, среагировать на наглое прикосновение, как незнакомый мужской голос, подобно голосу дьявола, прошептал томно мне на ухо:

– Кажется, тебя подвинули. Отомсти. Мечь – лучший заглушитель боли.

Глава 02 - Ульяна

Я оглянулась, разглядывая парня напротив. Он был хорошо сложен собой: высокий, широкие плечи, не качок, но видно, что занимается каким-то спортом. На лицо довольно красивый: чувственные губы, прямой нос, и глаза, такие глубокие, холодные, словно грозовые облака, готовые обрушить в любой момент стихию на город. Кофейного цвета волосы лежали небрежно, словно парня только что кто-то потрепал. Эдакая стрижка в стиле «ходячий беспорядок».

Однозначно – мы никогда раньше не виделись. А может я ошибалась, голова после увиденного плохо соображала.

– Так что? – незнакомец чуть наклонился, медленно приближаясь, и прошептал мне это практически в губы. Дерзкий. До ужаса уверенный в себе. Он явно считал, что этот мир принадлежал только ему. От брюнета веяло опасностью, будто от голодного волка, который вроде и показывает зубы, а вроде и дружелюбно пропускает тебя на свою территорию.

Интуиция подсказывала: «уйди! От таких нужно держаться подальше. В конце концов, они бесконтрольные. В их сердцах живет хаос». И я честно попыталась следовать внутреннему голосу: молча обошла парня, направляясь в сторону лестницы. Мне итак казалось, что я выпачкалась в грязи, словно кожа покрылась слизкой коркой, от которой так просто не избавиться.

Забавные шутки у судьбы, конечно. Ведь именно эту субботу, то есть завтра, я планировала остаться с ночевкой у Иванова, чтобы пойти на тот шаг, на который долго не решалась – перестать быть девственницей.

Кажется, тело мое ослабло от переизбытка эмоций. Меня слегка покачивало, перед глазами стояла пелена. Проклятые воспоминания мелькали, подобно черно-белым кадрам из старых фильмов. Ничего не видя, я переступила две ступеньки и едва не полетела кубарем. Сильная мужская рука вовремя подхватила меня под локоть, спасая от сотрясения мозга.

– Лучше уж измена, чем переломанные кости, – усмехнулся знакомый голос.

Я дернула рукой, вырываясь из хватки, и оглянулась. Тот самый брюнет стоял на ступеньку выше, облокотившись на перила. Руки в карманах, на губах хищная улыбка. От него исходило какое-то невероятное магнетическое притяжение, словно мы два маленьких камешка, которые тянутся друг к другу. В иной раз я бы ответила кокетливой фразой или постаралась отшутиться. Однако сейчас ничего толком не соображала.

– Таких, как ты, у него будет тысяча. Но ты можешь показать ему, что мужчины и женщины равны: переспи со мной в отместку. А можешь убежать и заливаться слезами. Хотя второй вариант скорее унизителен, чем...

– Ты... – с хрипом вырвалось у меня. В горле затесался ком, а на глаза наворачивались слезы, но я почему-то не плакала. Видимо, шок не давал.

– Ну?... – незнакомец скользил по мне любопытным взглядом, словно видел больше, чем просто девушку, которой изменил парень.

Я поджала губы, задаваясь вопросами: что, если это не первая измена? Что, если все вокруг знали про него и Светку? В конце концов, почему Иванов не сказал мне в глаза, что ему хотелось секса? Мы много раз говорили об этом, он наоборот убеждал, что готов ждать пока я созрею. Ведь отношения – это всегда желание идти друг другу навстречу. Выходит, все это было ложью? Какая же я дура! Наивная гусыня, которая хотела подарить Жене себя, свой первый раз, любовь и уют. От удушливого осознания сделалось тошно.

– Ты хочешь меня? – я произнесла крайне абсурдную фразу.

– А что, если да? – он склонил голову, спускаясь на ступеньку ниже. Поднял руку и провел нежно пальцем вдоль моей скулы. Кожа в том месте будто вспыхнула огнем, кажется, на мгновение я перестала дышать. Взгляд парня пробуждал во мне ранее неизведанные ощущение

ния. Приятные. Нет, даже больше. Я как глупый мотылек вдруг захотела полететь на пламя, которое сожжет дотла, в котором мои крылья превратятся в пепел.

От этого пламени нужно бежать. Я должна была уйти, но почему-то продолжала стоять и смотреть на незнакомца, на его, черт возьми, самоуверенную улыбку.

– Я не звезда, упавшая с неба. Мне только что изменил парень, если ты не заметил.

– Звезды не падают – это факт. Ну а девушки, готовые мстить, безумно сексуальные. Не дрейфь, Снежинка. Тебе понравится.

Внутри что-то щелкнуло. Что-то сломалось. Меня будто кто-то подтолкнул и прошептал: «Сделай это». Плевать! Пускай весь мир катится в пропасть! Да, я хотела не так, не с первым встречным. Думала, это будет любовь, желание не расставаться никогда. Особенный момент с особенным человеком.

Но существует ли любовь? Бывают ли люди верны друг другу до последнего вздоха? Я опустила голову, пытаюсь найти правильный ответ.

– Будешь долго думать... – заговорил незнакомец. У него был глубокий, бархатистый голос, от которого бегали мурашки по коже.

– Хорошо, пошли!

Я понимала, что поступаю неправильно, и возможно, потом тысячу раз пожалею. Точно пожалею! На плечах казалось, сидел ангел и бес, которые между собой спорили и не могли прийти к единому мнению. А я тем временем думала только о месте, о сладкой, пускай и не особо адекватной, логичной, но все же мести. Импульсивные поступки не в моем духе, я до кончиков волос рациональная. Сложно сказать, что двигало мной в этот миг. Видимо желание отомстить затмило разум окончательно.

– Правильно, – произнес парень и взял меня за руку, переплетая наши пальцы. У него они были горячие, а у меня холодные. У него шершавые, а у меня гладкие. Не знаю, почему я заострила внимание на подобных мелочах.

– На какой этаж?

– На пятый, кажется, – усмехнулся брюнет.

Мы медленно переступали по ступенькам, и с каждым шагом тело обдавало холодом.

Прикусив губу, я смотрела под ноги и не понимала, где же слезы? Ведь больно. Режет. Ноет. А слезы? Должны же быть слезы.

В детстве, в школьные годы, да и вообще всегда – я много плакала. Мама говорила, это чувствительность повышенная. А брат сводил к тому, что девчонки любят разводить сырость без повода. Так почему же сейчас ни слезинки?! Странно. Слишком странно. Или дело в нем? В парне, чья широкая спина привлекает мой взор, заглушая тысячу мыслей в голове.

Мы завернули в пустой коридор пятого этажа. На потолке моргала старая, еле живая лампа, издавая ужасный звук. Я взглянула на нее и подумала, что никогда не была здесь, именно на этом этаже. Потому что запомнила бы вон тот горшок с цветком на подоконнике или эту старую лампу.

– погоди, сейчас ключ достану, – произнес брюнет, когда мы остановились напротив деревянной двери.

– А соседи? – спросила я, зачем-то оглядываясь.

Что я здесь делаю? Если переступлю порог, обратного пути не будет.

– В отъезде, – сухо ответил незнакомец.

Замок щелкнул, и парень жестом показал, что можно проходить. Я сглотнула. Попыталась вдохнуть поглубже. Перед глазами все еще стояли воспоминания, только теперь они виделись мне глупыми. Ненастоящими. Первая встреча с Женей, его шутки и дружелюбная улыбка. А ведь если подумать, Светка всегда была рядом. Однажды она пошутила, что невин-

ные девушки вряд ли впечатлят кого-то в наше время. Тогда я не обратила на это внимание, а сейчас поняла, что, скорее всего, Иванов делился с ней многим, даже личным.

Не хочу быть единственной дурой в наших отношениях.

– Заходишь? – спросил брюнет.

– Захожу, – произнесла едва слышно.

Переступив порог, я оглянулась: комната как комната, ничего особенного. Разве что чистая: вещи не разбросаны, кровати заправлены, бутылок с выпивкой не видно.

– Стремный запах, – выдал неожиданно незнакомец.

– Какая из них твоя? – я замерла в растерянности. Забавно. Лишиться невинности в общежитии, с человеком, которого ты не знаешь.

Ладно, поздно метаться. Для чего хранить эту «драгоценность»? Чтобы однажды узнать об измене? Чтобы упасть лицом в болото? Нет. Мне не нужна любовь. Сегодня любовь меня предала.

– Ты о чем? – спросил парень, усаживаясь на кровать справа от меня.

– Уже ни о чем, – я подошла к нему и присела рядом. Скрестила ноги, сложив руки на коленях. Не знала, куда деть глаза, хотя так и тянуло посмотреть на брюнета. Все-таки он был чертовски привлекательным.

– Забавная ты, Снежинка, – усмехнулся парень.

Он поддался вперед, а я, наоборот, сжалась. Может надо снять майку или самой кинуться к нему с поцелуями? Нет, на такие откровения я не способна. И как только у девчонок выходит легко заводить романы на одну ночь? Вон та же Светка, с которой Иванов... Она далеко не девочка, и далеко не все ее похождения заканчивались знакомством дольше, чем на один день. А я... И правда какая-то не такая. Слишком правильная.

Насмотрелась на мать, у которой любовников было больше, чем пальцев на руках. Они всегда уходили. Она всегда плакала. Хорошо, не пила. Но мы с Ванькой натерпелись. Наверное, поэтому я и мечтала встретить одного и навсегда. Чтобы не быть как мать. Чтобы не страдать так много. Мне казалось это унижительным.

Только... Сама сейчас выгляжу хуже мамы. Сажусь в чужой комнате и не знаю, как должна вести себя девушка перед сексом.

– Слушай, я... – хотела было сказать правду, Но не смогла. Брюнет положил руку на мое предплечье, затем медленно наклонился и коснулся губами моей шеи. У меня участился пульс, до того этот поцелуй был невероятным. Казалось, в нем сочеталось цунами и пожар, казалось, он мог заставить звезды в моей груди вспухнуть и навсегда погаснуть.

Парень опускался ниже, а у меня обрывалось дыхание от его коротких, но столь безумно сводящих с ума поцелуев. Мама! Разве от простых прикосновений теряют контроль?

– Говори, – прошептал он, нежно проводя пальцем от кисти руки вверх, пока не достиг ключицы. Я запрокинула голову, позволив ему оставлять ожоги на вытянутой шее. От каждого поцелуя пронзало, словно током через все тело: сначала в области грудной клетки, затем ниже, и ниже.

Головокружительно.

Утопающе.

Никогда не чувствовала ничего подобного. Всего лишь поцелуи, банальные прикосновения подушечек пальцев... А ощущение, словно стоишь у края бездны: глубокой, необъятной. Словно сделаешь шаг и полетишь вниз, в объятия бесконечной ночи. Откуда-то взялась легкость. Я закрыла глаза и повернула голову. Наши губы вмиг нашли друг друга.

Коротко, чувственно, упоительно.

Я никогда не целовалась так, как сегодня, сейчас, с этим парнем. Его язык скользил по моему, возбуждая каждую клеточку в поломанном теле. Я слегка прикусила нижнюю губу незнакомца. От удовольствия, от блаженной дикости, которую дарили запретные ласки, я

теряла разум. Он ответил не нежностью, а страстью: подхватил меня и резко повалил на кровать, нависая сверху.

Мы не разорвали поцелуй, продолжая, жадно сминать губы друг друга. Так, словно, если оторвемся, потеряем землю под ногами. Его руки скользнули под мою кофточку, а мои — под его майку.

Не помню, чтобы отличалась особой смелостью. Особенно в отношениях с парнями. Но... Рядом с этим человеком будто появилась другая Ульяна: дерзкая, уверенная, готовая на безумие.

Брюнет стянул с себя майку, лишь на секунду оторвавшись от моих губ. Его глаза блестели и казались абсолютно черными, подобно той глубокой бездне. Это было ощущение пропасти. Он смотрел так, будто спрашивал: «Ты шагнешь за мной?» Я коротко улыбнулась, проводя рукой по его лицу. И мы вновь слились в порыве безумия.

Не знаю, в какой момент оказалась только в лифчике и трусиках. Не помню, как он снял с себя джинсы. Но вот его рельефную грудь и пресс с кубиками невозможно забыть.

Красивый, опасный, сильный... От него веяло чем-то еще. Чем-то таким, что напоминало мне саму себя.

Пальцы парня скользили по моему телу, не зная запретов и преград. А мои цеплялись за его плечи, оставляя царапины от ногтей. Нас захлестнул ураган. Следы от требовательных губ незнакомца были повсюду — на моей шее, ключицах, плечах, груди даже на запястьях.

Мне вдруг безумно захотелось назвать его по имени, узнать, с каким вкусом он любит мороженое и пьет ли чай на ночь.

Кажется, это незнакомое сердцебиение навечно останется в моем сознании: громкое, буйное, сводящее с ума. Никто и никогда не целовал меня так, как сегодня этот человек. Мир потерял значимость, сузился до одного действия — полета в бездну.

Парень избавился от моего белья, а в следующий миг тело пронзила острая боль. Не в силах сдержаться, я закричала. Брюнет отпрянул и приподнялся, опершись на локти. В его глазах читалась смесь тревоги с нежностью.

— Черт, — произнесла я с хрипом, тяжело дыша. — Не знала, что это так больно. — С глаз скатилась слеза.

— Только не проси меня остановиться, — сказал он, не сводя с меня взгляда.

Я подняла руку, медленно коснувшись его щеки.

— И не подумаю, — ответила, удивляясь собственным словам.

Больше ничего не говоря, он вновь прильнул ко мне с поцелуями и ритмично задвигался.

Глава 03 - Ульяна

Когда все закончилось, минут пять мы молча лежали рядом. Я не знала, как бывает после секса — обнимаются ли пары? Предаются ли новым ласкам? Да и тем более, мы же не пара, мы даже незнакомы. Хотя последнее, наверное, к лучшему. Вряд ли из таких отношений смогло бы получиться что-то воздушное, напоминающее летнее облако.

Внезапно на место удовольствия пришел стыд. Стало чертовски неловко смотреть в глаза незнакомцу. И как я вообще не это решила? Ну не дуручка ли?

Брюнет повернулся ко мне, упершись в бедро той частью, что до сих пор оставалась упругой и твердой. Тайком я взглянула на его член: он выглядел внушительно и... безумно привлекательно. От очередной волны смущения я громко выдохнула.

«О чем ты, блин, думаешь, Уля?» — поругала себя я.

— Ты как? — спросил парень, разглядывая меня. А я ведь забыла, что так и лежу совершенно обнаженная. Здравый смысл ударил по мозгам слишком поздно.

— Пойдет, — произнесла я тихо, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не посмотреть вниз, хотя так и тянуло. Никогда не думала, что парни бывают такими... Привлекательными... везде.

Но трезвость мыслей взяла свое и вернула меня в реальность. Я подскочила и начала искать одежду. А он все смотрел и смотрел, от чего мою спину словно прожигали огнем. Невыносимое ощущение. Хотелось повернуться, вновь увидеть взгляд незнакомца. Да много чего хотелось. Но это была всего лишь месть, поспешила напомнить себе. Такие парни не ищут ничего серьезного. Тем более с бывшими девственницами. Уверена, я — очередной трофеем на его полке любовных утех.

Отыскав свои вещи, я быстренько оделась. Хотя пока натягивала кофту и джинсы, меня немного потряхивало, то ли здесь было прохладно из-за открытого окна, то ли сказывались новые впечатления. Интересно, он один живет в этой комнате? Бегло пробежав взглядом вокруг, я заметила стопку книг на полке возле окна, тетради и ручки на тумбе, пара маек на стуле. По всем этим мелочам невозможно ничего определить. Даже увлечений человека.

Я сделала шаг в сторону дверей. Нужно ли сказать «спасибо за все» или «пока»? Что вообще говорят после одноразовых связей?

— Эй, Снежинка, — опередил меня брюнет.

Я оглянулась. Он до сих пор не оделся. Так и лежал, абсолютно не смущаясь своей обнаженности. Хотя ему точно нечего было смущаться. А вот мои щеки опалило жаром. Я перевела взгляд на стол, сделала глубокий вдох и произнесла прощальную фразу:

— Не рассказывай никому, ладно?

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец.

Во рту пересохло, а может я напрочь растеряла слова. Нет, конечно, каждая девушка мечтала бы стать особенной для такого парня. Вот только я уверена, ему не нужны особенные, поэтому не стоит себя одаривать глупой надеждой. Нам лучше остаться незнакомцами, навсегда забыть эту связь. Было и было...

— Неважно, — ответила я, подойдя к двери. Дернув ручку, зачем-то оглянулась на прощание.

В его глазах, напоминающих осеннее грозовое небо не было бури. Но и просвета души я там тоже не увидела. Таинственный, мрачный, немного пугающий и... при этом, словно имеющий власть над бранным миром.

— Вот как? — без каких-либо эмоций произнес парень.

— Прощай. Если увидишь меня, сделай вид, что... В общем, ты и сам знаешь.

Не дожидаясь ответа, я вышла в коридор, оставляя свое первое и, кажется, самое яркое событие в жизни в комнате общежития.

В комнате человека, который сумел одним взглядом сломать мои баррикады.

Домой поехала на такси, было уже достаточно поздно, чтобы пытаться воспользоваться общественным транспортом. А пока ехала, объявился Иванов: удивительное дело, почему-то я понадобилась ему именно сейчас. Видимо, нагулялся, отдохнул хорошенько, теперь можно и к дурочке Уле вернуться. Только больше не будет никакой дурочки. Пусть катится. Я так и написала ему в смс:

«Удачных выходных со Светкой».

Женька ответил сразу:

«В смысле?»

«О чем ты?»

«Где ты, Ульяна?»

«Какого черта? Возьми трубку!»

Я долго думала— сказать ему, что все знаю или не надо? А еще думала, почему не плачу? Но мысли все время возвращались к тому парню, его поцелуям, крышесносному запаху, голосу и глазам, глубоким и таким загадочным. О таких парнях пишут в глупых женских романах, такие похищают сердца, а затем разбивают их на тысячу осколков. Дома я все-таки написала Иванову, что видела его со Светкой. Смысла скрывать правду уже не было, я не хочу быть с ним дальше в отношениях. В конце концов, прощать измену — наступить себе на гордость, нет, я не готова к таким поворотам. Пусть Женька знает и больше ни на шаг не приближается ко мне. Ждать ответа от горе-парня не стала, отключила телефон и плюхнулась на кровать, правда уснуть блаженным сном не получилось. Нет, я не страдала от печали по неудавшейся любви, что кстати странно, не лила слезы в подушку, прокручивая события прошлого. Наоборот, я снова и снова возвращалась к тем поцелуям, прикосновениям, голосу моего незнакомца. Интересно, как все-таки его зовут, чем увлекается, какие книги читает и читает ли вообще? О чем мечтает, где любит гулять, на кого учится? Интересно, какой он человек...

«Завязывай, Ульяна», - приказала себе я. Думать о том, кого никогда больше не увидишь, не лучшая затея. Однако в моем приключении были и плюсы: этой ночью я так и не заплакала. Кажется, брюнет неосознанно спас мою душу, а вместе с ней и сердце. Только наследил там, оставил свой отпечаток.

Утром я проснулась без настроения. Мать так громко заливалась соловьем в сторону Ваньки, что я тоже заинтересовалась. Сунула нос в его комнату, посильнее кутаясь в махровый халат — отопления почти не было, а стеклопакет явно пропускает холодный воздух. Наша квартира давно нуждалась в ремонте.

— Какой ты у меня, — хлопала в ладоши мама, расхаживая, вокруг сына с воодушевленным видом.

Волосы у нее были закручены в дульку, на ногах высокие шерстяные носки, а поверх — новое платье. Явно на свидание собиралась, но не собралась до конца. Суббота, как говорится, чем не повод. Тем более с ухажерами у нее никогда не было проблем, зато они были у нас. Мы с Ванькой, моим младшим братом, маминых приятелей, откровенно говоря, не особо любили, хотя, пожалуй, это мягко сказано.

Мама работала учительницей в школе, собственно, поэтому я тоже поступила в педагогический. Видимо, любовь к преподаванию сформировалась на уровне генетики. Но как психолог или воспитатель родительница была в пролете — она, кажется, никогда не понимала, что ее поведение отражается на собственных детях, а еще никогда не умела выбирать мужчин.

— Ма, отдай, — буркнул Ванька, поднимаясь со стула.

Брат был высоким, выше меня на две головы, худощавый, правда, зато с мозгами порядок. Читал много, проблем не создавал, с плохими мальчишками не водился. Хотя в последнее

время домой стал приходить поздно, а где бывал, не говорил. Возраст, полагаю. Семнадцать – самый пик гормональных перепадов.

– А зачем тебе так много, Ванюш? – хлопала глазами мать, разглядывая белый конвертик.

– Это мои деньги. Тебе хахали и так неплохо дают, – очередная колкость, которая иногда срывалась с губ брата. За языком в отношении матери он редко следил. А ведь раньше было наоборот: мамуля, сестрица, сейчас чаще огрызается.

– Как тебе не стыдно! – обиделась мама и, кинув конверт с деньгами к ногам Ваньки, направилась к себе, громко хлопнув дверью.

– Язык у тебя без костей, – буркнула я, усаживаясь на кровать.

– А что она лезет? Меня, может, тоже от ее мужиков воротит. Тот старый хрыч на тебя так поглядывает, явно не на мать поглазеть ходит к нам, – Ваня поднял драгоценный конверт и убрал в ящик. Сам же уселся за компьютерный стол, разглядывая что-то на экране ноутбука. Единственного, между прочим, заработанного на мои кровные.

Чтобы помочь семейству, я еще со школы подрабатывала репетитором — пара учеников по литературе и русскому приносили дополнительный доход. Но во время сессии количество уроков приходится сокращать или на время отменять вообще.

– Ты о ком? И где деньги взял?

– О Валере или как его там, – хмыкнул Ванька, пропуская второй вопрос мимо.

Мама встречалась с дядей Валерой уже месяц. Мужчина он странный, да и внешне не очень приятный. Ростом чуть ниже брата, широкоплечий, нос картошкой, усы на пол лица, как у гусара, пухлые губы. От него вечно несло дешевым парфюмом, от которого мы с братом воротили нос, а мама наоборот – нахваливала.

– Вань, откуда деньги взял? – повторила я, напирая.

– А тебе все надо знать!

– Конечно, а ты как думал. Сколько там, что мама так разошлась?

– Фигня, – повел он носом. – Двадцатка.

– Сколько? – если бы я не сидела, точно бы упала. – Откуда такие деньги?! Эй! Ты где их взял, Вань?

– Не украл, не боись, – хвастливо ответил этот дуралей.

– Ваня...

– Тотализатор. Все честно.

– Какой тотализатор, Вань? – я поднялась с кровати, подошла к брату и резко дернула его за плечо.

– Обычный, Уль. Ставишь косарь, получаешь три. Смотря какая ставка.

– А где ты взял деньги на ставку?

– Ну...

– Ваня! – крикнула я, сжимая его плечо.

Я постоянно задавалась вопросом, почему наша мама перестала заниматься воспитанием своих детей? Почему ей на нас наплевать?! Сколько себя помню, она всегда так себя вела, будто меня и брата не существует в ее жизни, будто мы – ошибка ее прекрасной молодости. Однажды, в восьмом классе девчонки подловили меня в туалете, приперли к стенке и отрезали сантиметров пять волос, потому что я заступилась за одноклассницу. Вернулась домой я уже с короткой стрижкой и разбитой губой, потому что попыталась дать отпор. Мама тогда на кухне ела курицу гриль с очередным ухажером, они громко смеялись, проводили хорошо время, запивая все это коньяком.

Другая мама побежала бы в школу, устроила бы скандал, выясняя, почему ее ребенка обидели, а моя только утром спросила с улыбкой: «О, ты подстриглась? Ну, пойдет». И все на этом. Я едва сдержала слез, крика обиды, который рвался из груди. Порой мне казалось, что не будь нас в жизни этой женщины, ей было бы проще.

– Занял, – ответил сквозь зубы брат, вырывая меня из пучины неприятных детских воспоминаний. Он недовольно скинул мою руку.

– А как отдавать собираешься? Зачем тебе вообще столько денег?

– Я уже отдал. Выиграл и отдал. Теперь будет более крупная ставка, буду участвовать.

– Вань! – опять прикрикнула я, не сводя с него строгого взгляда.

– Через полгода Кристинка выпустится, а у нее днюха скоро. Я хочу подарить ей подарок, – выдал он.

О Кристине я уже слышала. Она училась в одиннадцатом классе, брат был влюблен в нее уже как два года. Вот только девочка эта была из обеспеченной семьи: в школу привозил личный водитель, на отдых она летала на Филиппины, а не в Анапу, одевалась в дорогие бренды, и поступать собиралась в лучший вуз страны.

Ванька чудом с ней познакомился на школьной дискотеке: набрался смелости, пригласил, а Кристинка не отказала. И Ваня мой, дурак, уши развесил, решил, что все — теперь пути ему открыты. Вот только Кристина мыслила иначе: она как не замечала его, так и не замечает.

– Какой ты подарок собрался ей дарить? Букет цветов...

– Яблоко! Последней версии. Но он стоит, сама знаешь, сколько. Другое не прокатит.

– Вань, ты в своем уме? – спросила я, ошарашенно вглядываясь в лицо брата. Обычно он не страдал подобным, прекрасно понимая, что не одними деньгами можно расположить к себе людей.

– Да там верняк. Я займу еще небольшую сумму и сделаю крупную ставку. А потом...

– Вань, людей нельзя купить. Сердце человека не стоит ни одного телефона иликлада. Тебя либо любят за то, какой ты есть, либо не любят.

– Подарок – это билет на поезд! – буркнул брат, переводя взгляд на фотку Кристины, которая стояла в рамке на столе, словно алтарь, на который он молился ночами.

Брат безумно любил эту девушку, для меня это не было открытием. Он готов был ради нее на многое, вот и на эту глупость в том числе. В какой-то степени я ей даже немного завидовала, ведь такую чистую и преданную любовь еще поискать надо.

– Ты забываешь, когда поезд останавливается, билет обычно выбрасывают. И она тебя выбросит, с телефоном или без.

Ваня вдруг подскочил со стула, схватил меня за руку и толкнул в сторону двери.

– Проваливай, надоели твои нотации.

Глава 04 - Ульяна

Я не стала спорить с Ванькой, решив отложить разговор на потом. Голова и так гудела, и настроение было такое, что хоть на стенку лезь. Погода за окном тоже не радовала — небо хмурое, словно вот-вот снег выпадет, ветер раскачивал кроны деревьев, заставляя оставшуюся листву шелестеть. Одним словом ноябрь давал о себе знать.

В обед я включила телефон, так как сегодня должна была прийти ученица на допы. И стоило только загореться экрану, как посыпались оповещения о пропущенных звонках от Иванова. Что странно, сообщений от него не было, только звонки. Я вздохнула, а затем просто заблокировала Женю. Хватит с меня вранья, и недоотношений.

Было, конечно, грустно, обидно, да и гордость задета. Не каждый день тебя меняют на другую, банально из-за секса. Но ничего не изменишь. Жизнь на этом не заканчивается. Тем более в мыслях у меня не было Иванова, зато там прочно обосновались голос и улыбка незнакомца. Вот что точно не пойдет на пользу, однако несмотря ни на что о своем поступке до сих пор не пожалела.

Почему? А - целовался брюнет классно. Б - и не только целовался. Хотя, конечно, от первого раза, полагаю, невозможно получить тонну удовольствия. Но от этой связи осталось, однозначно, приятное послевкусие.

Ближе к двум пришла ученица. Мы с ней отзанимались полноценных полтора часа, и обе немного устали, Поэтому ушли на кухню пить чай со сладкими булочками, которые я успела прикупить в магазине перед ее приходом.

Что касается мамы, за весь день она и носа не показывала из комнаты. Только под вечер вышла в полной боевой готовности: боевой макияж, обтягивающее темно-бордовое платье до колен и черные колготки, поверх которых были надеты чулки-сетка.

– Ты выглядишь ужасно, – честно сказала я, разглядывая ее наряд.

Мама стояла возле зеркала в коридоре и густо красила губы в алый цвет.

– О, отпад, мам, – выдал Ванька. Тоже, видимо, куда-то собрался. На меня не взглянул и даже показушно отвернулся. Вот же мелкий засранец!

– Красотка, скажи, – улыбнулась мать. Я закатила глаза и ушла на кухню.

– Твоя дочь явно не в тебя. Занудная, – донеслось в спину.

– Радуйся, – скривилась я, мысленно кидая камень в сторону братца. – Иначе ты бы уже жил в подъезде.

– Не ругайтесь, – мурлыкнула мать. – Я убежала. Буду поздно.

– Или завтра, – добавил вслух Ванька то, что крутилось у меня на языке.

Мне хотелось, чтобы мама спросила, куда направляется ее сын, как мои дела, как отношения с парнем. Хотя бы для галочки. А она ничего не сказала, молча ушла, закрыв за собой дверь.

В понедельник я встала раньше обычного. Собираясь на учебу, решила немного подкраситься и распустить волосы. Не ради Иванова, ни в коем случае, ради себя любимой. Ведь быть красивой – одно из важных женских правил. Пускай я и не девушка с обложки глянцевого журнала, однако никто не отменял милой одежды и легкого макияжа. Я расчесала русые волосы, наложила тени на веки, пытаясь выделить большие голубые глаза, которые иногда становились серыми, а иногда приобретают карамельный отлив. На губы нанесла матовую помаду, слегка растерла ее, чтобы добиться эффекта естественного цвета. Нацепила на себя джинсы, розовый короткий свитер с большим воротом и улыбнулась своему отражению. Вроде неплохо.

До универа добиралась на автобусе, под репертуар шансона и бурчание двух бабушек. То кто-то сдачу не передал, то кому-то на ногу наступили, а когда вошел подвыпивший мужчина, ехать стало совсем нелегко. Каким-то чудом я дотерпела бесконечные двадцать минут до своей остановки. Выскочила одной из первых и помчалась к «обителю» науки.

Возле корпуса меня уже ждала Анфиска — моя близкая подруга и одногруппница. Она, как всегда, что-то читала, уткнувшись в книгу.

— О, у тебя сегодня свидание с Ивановым? — спросила Ларина, еще не зная подробностей эпичной пятницы.

— Он мне изменил, и мы расстались, — выдала я сходу и поспешила к универу. Анфиска застыла, открыв рот, но потом быстро пришла в себя и побежала следом за мной.

— Это как? — удивленно спросила подруга, поравнявшись. — С кем?

— Ну, вот это тебе лучше не знать. А то скажешь: «Я же говорила!».

— Да ну! — воскликнула она, явно догадавшись.

Я лишь пожала плечами, мол как видишь, и да, ты была всегда права. Шли мы не очень быстро, хотя по такой погоде хотелось поскорее попасть в тепло. Мимо проехала машина ректора, аккуратно, медленно, как и полагается. А за ней на бешеной скорости пролетел спорткар. И не просто пролетел — чуть не сбил нас. Хорошо, Ларина вовремя успела схватить меня за руку и потянуть влево, иначе поминай, как звали.

— Вот урод! — буркнула Анфиска.

— Чтоб у него колеса полопались, — поддержала я, усмехнувшись.

— Все четыре, — кивнула подруга.

— Наколдуй, Анфис?

— Сначала твоему козлику проблем наколдуем, — хмыкнула Ларина.

Женьку она не любила, да и он ее тоже не особо жаловал. Почему? Сказать сложно. Иванов считал, что у Лариной банальная ревность со стороны подруги. А Анфиска постоянно твердила, что Женя не вызывает доверия. Видимо, ее интуиция работала лучше моей.

— Пусть ему Светка колдует.

— Вот же дрянь! Хотя знаешь, ну, это было предсказуемо. Вы же не спали с ним ни разу. А он парень видный, и его швабра тоже видная. Надо отомстить ему! — понесло Ларину не в те дебри.

Я не стала ей говорить, что уже отомстила. Решила, оставить своим маленьким секретом. Да и какая разница? Тот парень наверняка забыл, что произошло между нами, уверена, с его внешностью и фигурой, ох, до сих пор, смущаюсь вспоминая достоинства незнакомца, проблем по женской части не может быть. Наверняка, он меняет девчонок, как перчатки и уже давно забыть про одноразовую связь. И мне стоит забыть его. Анфиска не замолкала до самой первой пары, так и проклинала Женьку, на чем свет стоит, Светку, кстати тоже. Обещала насрать на них проклятия и сделать куклу-вудду.

Ну а через полтора часа, сам товарищ проклинаемый в лице Иванова объявился на нашем пути. Учились мы на разных специальностях — у него преподавание физической культуры, а у меня литературы и русского — поэтому первая пара у нас различалась, зато вторая была совместной. Раньше я грустила, что мы не можем быть вместе постоянно. Теперь же, наоборот, радуюсь.

Женька стоял в компании друзей, и не только их, там, рядом еще тусовалась Синицына, но, заметив меня, он быстренько с ними попрощался и направился в мою сторону. Безумно хотелось развернуться и убежать куда-нибудь подальше. В голове так и застыла картинка, как они в туалете со Светкой предаются утехам, ее громкие стоны, разносящиеся эхом по коридору. Как же противно было теперь видеть своего бывшего парня. Все очарование пропало, даже прическа Женьки показалась дурацкой, эти ужасно зализанные назад волосы. Кто так нынче ходит?!

- Уль, подожди! – крикнул Иванов, заметив, как я потянула Ларину в сторону лестницы.
- Хочешь, я тебя прикрою, а ты иди, – предложила Анфиса, понимая мое состояние.

Хотя, какое у меня было состояние? Я не чувствовала себя как жены изменников. Более того, в груди не было даже сквозняка от разбитого сердца. Противно, да. Обидно, да. Но не более. И это было настолько странно, что я сама себе поражалась.

– Уль! – снова крикнул Женька, пока я раздумывала: бежать или гордо выдержать разговор.

– Проваливай, – буркнула ему Ларина.

– Я не с тобой разговариваю, – огрызнулся Иванов, настигая нас.

– А кто тут с тобой хочет говорить? – не унималась Анфиска. Воевала вместо меня, как самый настоящий друг.

– Жень, у тебя была отличная пятница. А у меня хорошие выходные. Поэтому, давай продолжать в том же духе – раздельно, – произнесла я спокойно.

К горлу подкатил противный ком, который казалось невозможно сглотнуть. Я смотрела на Иванова и не могла понять, как он может подходить после всего ко мне. Еще и при Светке. Они оба, что ли, с приветом? Или это нормально: спать с одной, гулять с другой?..

– Ларина, сгинь в туман, – вдруг рявкнул Женька в сторону моей подруги.

– А ты не офигел, дружок?

– Проваливай. Ты тут третье колесо!

– Третьим колесом была твоя подружка. Или вы кувыркаетесь втроем? Ты, ее парень...

– Иди на хер, извращенка больная!

– Свет! – крикнула я громко. Да так, что человек пять, сидевшие на диване и стоявшие возле подоконников, обратили на меня внимание. – Забери своего парня. Мне с ним не о чем говорить.

Иванов растерялся и оглянулся на свою драгоценную подругу детства. По коридору покатилась волна шепота, разговоров, негодования, народ явно удивился моему заявлению, потому что все до единого, кто находился сейчас в коридоре, знал – мы с Женей вместе.

– Пошли, – шепнула я Анфисе.

И, подхватив подругу под руку, под шумок, пока Синицына с Ивановым играли в гляделки, шмыгнула за дверь, к лестнице. К счастью, Женька догонять нас не стал.

 Дорогие читатели! Приглашаю вас в свою новинку:
 Ты всегда была моей
 Читать тут: <https://litnet.com/shrt/kPIP>

 Как избавиться от навязанной свадьбы, где жениху нужна не девушка, а невинный ангелок, вернее инкубатор для его будущего потомства? Ну правильно, послать к черту эту самую невинность. Так что никакой свадьбы! Я на все пойду, и даже в постель лягу с незнакомцем.
 Постойте-ка... это что за новости? Почему в маскарадную ночь я выбрала именно его — парня, которого до смерти ненавижу?
 — Ты...Какого черта, делаешь в моей постели?
 — А ты что была девственницей? – ухмыляется он.
 — Ну... была и была. Подумаешь. Забудь об этом, как о страшном сне!
 — А что если не забуду? — прищурившись, спрашивает этот нахал.
 — Тогда я тебе пропишу таблетку амнезии.
 — Иди-ка сюда, Иванова! Повторим.

Глава 05 - Ульяна

Во вторник Ванька не пришел ночевать. Я места себе не находила, зато мать спокойно спала, уткнувшись носом в подушку. Ее равнодушие меня знатно бесило. Как она может спокойно спать, укрывшись одеялом, когда родного сына нет дома? А вдруг с Ваней приключилась беда?! Вдруг валяется где-то под забором, поливаемый дождем, что так неистово тарабанит по подоконнику? От тревоги и злости хотелось кричать, но я лишь продолжала набирать Ване, умоляя всех богов, чтобы проклятый женский голос перестал выдавать «абонент недоступен».

К часу ночи у меня совсем окончательно руки. Нужно было что-то делать, куда-то идти, бежать, принимать попытки найти брата. Поэтому, как бы глупо не звучало, я вышла во двор, обошла ближайшие детские площадки, заглянула даже под лавки, мало ли, валяется там побитый. Хорошо, на улице было тихо, безлюдно, никаких отморозков по пути не встретила. Вообще у нас не самый прекрасный район: здесь и алкаши нет-нет собираются, и подростки странные тусуются, покуривая то ли травку, то ли еще какую-то дрянь. Однако поход мой на улицу оказался абсолютно бестолковым. Вернулась я домой ни с чем, улеглась на кровать и считала минуты до рассвета, который как назло долго не наступал город. А в четыре утра Ванька соизволил явиться. Ох, мы с ним сцепились.

– Как тебе не стыдно! Неужели предупредить — язык отвалится? – кричала я, забыв, что в соседней комнате спит мать.

Мои вопли ее, видимо, разбудили, и она вышла к нам не особо довольная, накинув халатик на плечи.

– Мне что, десять? Я никому и ничем не обязан! – злился брат.

– Ульян, что ты истерику закатила? – не понимала мама, зевая и раскачиваясь из стороны в сторону.

– Позвонить или написать сообщение можно было, Вань. А ты, мам... иди спать!

– Может, все пойдем спать? Соседи еще придут жаловаться, – переживала непонятно за кого мама.

Поразившись в очередной раз отстраненности родительницы, я устало вздохнула. Можно продолжать бесконечно задаваться вопросом, почему мама у нас, мягко говоря, была своеобразной, а можно молча хлопнуть дверью, что я собственно, и сделала. Однажды я съеду от них, уйду из этой проклятой квартиры! Находиться здесь порой было настолько невыносимо, что мне казалось, однажды задохнусь.

Само собой, утром я проспала. Встала через полчаса после будильника, умылась, на скорую руку подкрасилась, кое-как заплела колосок, схватила сумку и умчалась в универ. Первой парой стояла физра, которую я ненавидела еще со школы. Бегать и прыгать – не мое. Забивать голы – не мое. И вообще спорт — не мое. Никогда не получала от этого удовольствия.

По пути попала в пробку. Еще и в автобусе наткнулась на недовольную женщину, которая всю дорогу спорила с водителем о том, почему берут «стоячих» пассажиров – дышать нечем, и вообще это небезопасно. В какой-то момент другая дама не выдержала, и они начали ругаться. Да так громко, что у меня в наушниках музыку не было слышно.

Каким-то чудом я успела к первой паре. Быстренько переоделась в спортивную одежду и поплелась вместе с Анфиской в сторону зала. А там опять... Иванов в кругу друзей. Он что-то активно им рассказывал, жестикулируя руками, те в ответ смеялись. Вообще Женька довольно общительный парень, люди к нему всегда тянулись. Он, как огонек, который зажигал всех вокруг. Таких обычно называют «душа компании». Не знаю, чем я ему приглянулась.

Еще на втором курсе, перед началом сессии в мае, Иванов подсел ко мне в столовке, улыбнулся и сказал:

– А меня Женя зовут. Мы вместе ходим на психологию. Сегодня погода классная, не хочешь прогуляться? – так легко у него это вышло, словно мы каждый день общались.

Я тогда жутко смутилась, растерялась. Последний раз на свидание ходила еще в одиннадцатом классе, да и то это сложно было назвать свиданием. С тем парнем мы съели по мороженому, по пути домой, поболтали о всяком разном и он благополучно пропал, словно никогда и не приглашал меня на свидание.

Иванов в отличие от моего предыдущего опыта, ко всему прочему был еще симпатичным. Нет, не такой, о ком грезят все девчонки потока, но было в нем что-то обаятельное. В общем, без внимания не оставался. Я согласилась, а через два месяца мы начали встречаться. Правда, многие наши свидания походили на общие встречи, где частым гостем была Светка. То у нее проблемы с учебой, то парень бросил, то с родителями поссорилась. Казалось, у Синицыной все не слава богу именно в тот момент, когда мы хотели провести время вдвоем.

Анфиске сразу не понравилась Света. Она ей, собственно говоря, и до знакомства не нравилась. Ларина таких девчонок — легкодоступных, по ее мнению — за версту старалась обходить. Называла разлучницами и завистницами. Я отмахивалась, — если бы Женя хотел встречаться со Светкой, то явно не бегал бы за мной. А он проявлял внимание, дарил подарки, устраивал сюрпризы. Мне казалось, мы очень близки.

К интиму дело подходило не раз, но тут уже я стопорила процесс. Решиться на этот важный шаг было не просто. Я много читала на форумах: как подготовиться, какое белье купить, какая атмосфера нужна. В общем, волновалась. Женьке об этом не говорила, стыдно как-то. Зато с Анфиской делилась, как-никак мы лучшие подруги. Она смеялась, у самой-то первый опыт был в школьные годы, в выпускном классе, а мне только предстояло постичь дзен.

Только постичь случилось не с тем и без всяких подготовок. Неожиданно и, да, безумно приятно. Удивительно, но тогда я совсем не смущалась, бездумно отдавшись порыву. Сейчас, конечно, стыдно, возвращаться воспоминаниями к той ночи. Но тогда... тогда мой мир словно окрасился в другой цвет, словно я впервые увидела путь к звездам.

– И чего он пялится? – выдернула меня из воспоминаний Анфиса.

Иванов, в самом деле, не сводил с меня взгляда, словно интереснее вокруг не было никого и ничего. Мне в очередной раз стало противно. Пускай на свою Светку так смотрит, все равно она рядом стоит, улыбается подружкам.

С каждой минутой народ потихоньку прибывал, нас становилось больше. Уже и встать негде было, и дышать нечем, кто-то еще духами приторными надушился, что их аромат, казалось, убивал последние нотки кислорода. А физрук тем временем до сих пор не явился.

– Сегодня совмещенная пара с какой-то группой, с «мошками», – крикнул кто-то в толпе.

Вообще, нас редко с другими потоками совмещали, больше со своими. Но бывали исключения – преподавателей отправляли на курсы или они уходили на больничный. Видимо, сегодня как раз такой случай. Только группы с факультета международных отношений тоже не было, как и физурка.

Нас в потоке хоть и шестьдесят человек, но лица все знакомые, частенько пересекаемся. Ну и конечно, ребята шушукались, как без этого. Кто-то тихо, а кто-то нагло и громко: обсуждали меня, Женьку и Светку. Я ненавидела такое повышенное внимание, особенно в подобной ситуации, когда на тебя смотрят то ли с сочувствием, то ли с усмешкой.

Наконец-то явился Григорий Константинович, физрук: высокий, худощавого телосложения, лет под сорок. Волос на голове у него почти не имелось, сплошной блестящий шар, поэтому он частенько ходил в кепках. Зато одеколоном несло знатно, на весь коридор. Порой запах настолько был горьким, что аж подташнивало.

В зале мы построились, получили задание. К счастью, на улицу физрук не повел, видимо, погодка ему и самому не очень нравилась. Мрачно, сыро и холодно. Девчонок отправил в угол с матами, а парней на другую сторону.

– Даже подтянуться не можете разок? – кричал Григорий Константинович, когда ребята активно пытались что-то выдать. Димка Зыкин больше всех подтянулся – десять раз. Остальные еле до пяти, а то и трех дотягивали. Хорошо, что хотя бы нам с девочками не досталось. Нормативы по тому же обручу и прыжкам я в принципе никогда не сдавала.

– О, Иванов к турникам пошел, – пронеслась волна разговоров.

– Чтoб свалился он с этих перекладин, – хмыкнула Анфиска.

Я отвернулась и подошла к высокому турнику, чтобы сделать растяжку. Гимнастика мне всегда больше нравилась, да и на шпагат в школьные годы садилась спокойно. Закинув ногу, я плавно потянулась вперед.

Дверь в зал со скрипом распахнулась, послышались шаги, незнакомые голоса. Сначала я не заострила на этом внимания, вероятно, «мошники» пришли. А когда Лилька Комарова, королева нашего факультета, рассыпалась в комментариях, захотелось оглянуться.

– Это же Ник! Блин, какой он милашка, – заливалась соловьем Комарова, следом зашептались и ее подружки.

– Говорят, они с Ромой Филатовым лучшие друзья. Но Никита — отбитый на всю голову.

– И почему нам не сказали, что будет именно их группа?

– Новиков – недоступная крепость, – пояснила Лилька полупрошептом. – Ты либо в его вкусе, либо проходишь мимо. Знаете, сколько девчонок по нему сохнет? Он еще такой весь из себя дерзкий, мрачный. К нему так просто не подкаатишь. Вот с Филом познакомиться легко.

– А который из них Фил? – спросила Нонна Черницова, моя одноклассница.

– Его, кажись, нет. Ну, вообще, он вроде встречается сейчас с какой-то замухрышкой, – ответила Синицына.

Откуда только знала о таких подробностях? За собой бы следила, а не за... Как она там выразилась? Замухрышками? Вот, а не за ними. Сама встречается с одним, а спит с Ивановым.

– Да бросит он ее. Пару раз перепихнуться и все на этом, – усмехнулась Лилька.

– Но Новиков огонь, а не мальчик, – добавила Алька Рожкова. Она училась вместе с Женькой и Светкой в одной группе. – Такому если и королеву подашь, может носом покрутить.

Девчонки засмеялись. Так их этот Никита веселил. Правда, смеялись в полголоса, прикрыв рты ладошками. И вообще лишний раз старались отвернуться, видимо, чтобы он не заметил.

– А этим только и подавай местную звезду, – буркнула Анфиска почти мне в ухо.

В конце концов, любопытство взяло вверх, ну я же тоже девочка. Нет, мне не до влюбленных воздыханий, хватит Женьки, который предал, растоптал и теперь ходит с довольной миной. Просто реально стало интересно, что там за парень такой, которому королеву дашь, а он откажется.

Я опустила ногу с турника, поправила леггинсы, и, наконец, повернулась. Только лучше бы не поворачивалась. Сердце забилося, словно баскетбольный мячик, а в ушах зашумело, будто я оказалась на взлетной полосе.

Быть не может...

Несколько раз моргнув, я протерла руками глаза, мало ли, вдруг галлюцинации, однако нет – все взаправду. Там был он – мой незнакомец. Человек, с которым в пятницу потеряла невинность, и чьи ласки до сих пор вспоминала с волнующей нежностью и стыдом, вмиг заливающим щеки.

Он стоял ко мне полубоком, разговаривая с парнями со своей группы. Высокий, выше всех, наверное, широкоплечий, на руках так и выступали венки от накаченных мускулов. Белая майка облегла тело, а черные джоггеры подчеркивали спортивные ноги.

– Ветрова, тоже Никита понравился? – глумливо произнесла Алька, и девчонки снова засмеялись.

А мне на их подколы было наплевать, потому что я не могла даже шевельнуться. По спине прокатилась волна холода вперемешку с диким жаром. На фоне еще кто-то что-то говорил, хотя я уже ничего не слышала. В груди все сжалось от волнения, шея и щеки стали заливаться от стыда, ладони покрылись маленькими капельками влаги. Мне вдруг показалось, все вокруг смеются надо мной, тычут пальцем, шушукаются, осуждают.

Яркой вспышкой перед глазами всплыла наша ночь с этим... Как его зовут? Никита? Вот с ним. Его жаркие поцелуи, мой негромкий стон... Господи! Какой позор! Почему я не подумала, что встречу незнакомца в универе? Что он может учиться здесь, в одном здании со мной, дышать одним воздухом, ходить по одному коридору. О чем я вообще думала, когда позволяла себя целовать? Я, может, и дальше так простояла бы в оцепенении, подобно статуе Свободы, но ребята откуда-то взяли баскетбольный мяч, и давай его перекидывать. По нелепой случайности очередной пас полетел не к кольцу, а в нашу сторону, в уголок, где толпились девчонки.

– Осторожно! – крикнул Олег Рагозин из моей группы, от которого и летела подача.

Все, видимо, услышали и разбежались, но только я — дурочка — осталась стоять на месте. И, конечно, получила за это мячом. Хорошо хоть удар пришелся не по голове, а в плечо.

– Ай! – вырвалось у меня от боли. Я пошатнулась, потеряла равновесие и едва не упала, вовремя успела схватиться за турник, возле которого находилась.

– Уль, сорян, – посылал лучи извинений Рагозин.

– Ульян, ты как? – это уже Анфиска подлетела.

Я кивнула, мол, пойдет, жить буду, и выпрямилась, пытаюсь прийти в себя. Вот только даже отдышаться, как следует, не успела, потому что он смотрел на меня. Казалось, его взгляд, словно пуля – попал в конечную цель.

Никита Новиков. Тот самый парень. Моя ошибка.

Вот же... И мир будто замер, его будто поставили на паузу, от которой я едва не задохнулась.

Глава 06 - Ульяна

Ник не сводил с меня глаз, а я не могла перестать смотреть на него. Даже на таком расстоянии от его взгляда казалось, пробежал разряд электричества по спине. Он словно вытягивал из меня волю и силы на дальнейшее сопротивление. Неужели такое возможно?

Люди вокруг перестали существовать, голоса пропали. Я не могла пошевелиться, дышать, говорить, думать, слышать – все мои рецепторы отключились, вернее их отключил один его взгляд.

Спас меня физрук, который внезапно вырос передо мной, стал задавать вопросы, показывать пальцы перед глазами, трясти рукой. Что ему было надо от меня, одному богу известно. В итоге Григорий Константинович решил отпустить горе-студентку с пары и отправил меня в медпункт этажом выше. Сам, к счастью, сопровождать не пошел и никого не отпустил в качестве помощника.

Я спорить не стала, потому что дальше заниматься физкультурой, когда на тебя так смотрят – невозможно. Этот парень обладал магнетическим притяжением, не совсем нормальным, может, даже немного раздражительным. Хотя я больше на себя злилась, чем на него. Если бы не отдалась в пятницу, не открылась перед ним... Господи! Да мы даже имен друг друга не знали... Зато переспать успели.

До медпункта я добрела как слепая мышка, практически на ощупь. Толком ничего не видела — в голове крутился только образ Никиты, а еще казалось, что он обязательно всем расскажет. А может все уже и так знают. С одной стороны, я рискнула ради мести. С другой, сейчас больше всего на свете не хочется, чтобы хоть одна душа узнала о моем упоительном грехе.

Возле дверей медкабинета я потопталась с минуту, потом постучала. Никто не открыл, так что я зашла в наглуую. Прошла вглубь кабинета мимо трех коек с белыми простынями, осмотрелась — медсестры не было. Ну и ладно! Решила просто переждать до конца пары здесь. Возле окошка батарея есть, тепло, а главное нет пристального взгляда Никиты. Глаза у него, между прочим, очень красивые, голубые, как тихий океан в сезон жаркого солнца, но при этом безумно мрачные, и какие-то... таинственные что ли.

Я села на кушетку, спиной к дверям, и уставилась в окно. Вздохнула и снова озадачилась: почему мысли об измене Иванова не трогают так, как этот парень? Едва знакомый человек волнует сердце больше, чем тот, с которым встречалась полгода. Вот это новости, конечно. Сама от себя такого не ожидала.

Через пару минут раздался скрип и открылась дверь. Видимо, медсестра вернулась. Я особо не нервничала — спросит, скажу, физрук прислал. Выгонит, пойду в раздевалку, а нет, так отдохну здесь.

Ничего не спрашивая, медсестра подошла — почему-то ее шаги показались мне тяжелыми — и вдруг присела рядом, коснувшись моего плеча. Интуитивно, где-то на подсознательном уровне, я поняла – это не медсестра. И снова уже знакомые мурашки прошли вдоль позвоночника.

– Жива? – произнес мужской голос с легкой хрипотцой. Я оглянулась и от неожиданности открыла рот, словно рыбка, а потом также благополучно закрыла его.

Мне стало настолько жарко, будто я не в обычном спортивном костюме, а трехслойном свитере, в котором ходить можно только где-то на северном полюсе. Сердце взволнованно забегало волчком, оно уже успело знатно перенервничать в спортзале, когда я стала эпицентром внимания парня, о котором трепалась большая женская половина нашей группы.

И зачем он интересно пришел? Почему так пронзительно разглядывает меня, нагло скользя взглядом по моему лицу, насмешливо улыбаясь?

– Что ты здесь делаешь? – набравшись сил, спросила я.

Никита откинул голову назад, вглядываясь в потолок, словно задумался о чем-то важном. Затем оперся руками о койку и чуть наклонился в мою сторону.

– Мимо проходил. Такой ответ тебя устроит? – ответил запросто Новиков.

Исходивший от него аромат хвои и осеннего дождя вызывал во мне головокружение. Может это он всему виной, может именно из-за крышесносного парфюма я потеряла бдительность и отдалась первому встречному? Хотя кого я пытаюсь обмануть, у Ника везде все крышесносно, даже то, что ниже пояса. Последняя мысль заставляет мой пульс ускориться. И зачем я продолжаю об этом думать?

– Очень забавный у тебя путь, – мой голос прозвучал равнодушно, но каких трудов давалось это равнодушие. В действительности в груди творился тот еще ураган.

– Здоровье – очень важная штука, я пришел тебе это сказать, – он усмехнулся. Слишком высокомерно, даже немного неестественно.

Наши плечи больше не соприкасались, он отодвинулся, и мне вдруг показалось, что в комнате сделалось прохладнее.

– Спасибо за краткий экскурс, но впредь я обойдусь гуглом или яндексом. Алиса тоже неплохо разбирается в таких вещах.

– Сексом Алиса с тобой точно заниматься не будет, – слова Никиты прозвучали так небрежно, что меня передернуло. Видимо девчонки, которые сегодня активно обсуждали высокомерие этого парня, не соврали. Он разговаривал так, словно снизошел с Олимпа на грешную землю, а я была той самой грешницей, которая нуждалась в его услугах. Хотя признаться по правде, я не сразу поняла, на что он намекал.

– Ты пришел поговорить о сексе с Алисой? – кое-как выдавила из себя.

Произносить вслух слово «секс», когда рядом парень, с которым у тебя это было, – непросто. Ощущение, будто я вновь лежу на его кровати абсолютно обнаженная, и позволяю мужским холодным губам ласкать свое тело. Ясное дело, я смутилась, щеки моментально загорелись, словно их опалило дыхание летнего солнца. Хотелось перевести взгляд, а лучше оказаться под одеялом. В реальности же у меня не было сил даже шевельнуться – настолько его глаза гипнотизировали, захватывали в свою власть.

– Нет, о сексе с тобой, Снежинка.

– Ч-что?

– Секс полезен для здоровья. Всем мальчикам и девочкам. А если заниматься им в кабинете медпункта, так это вдвое полезно.

Пару секунд я молча переваривала услышанное. Выходит, он притащился сюда, чтобы предложить мне переспать? Не просто переспать, а на медицинской кушетке? Для здоровья, значит, полезно? Я с трудом сдержала вздох возмущения, который так и рвался наружу. Где-то в голове щелкнул переключатель, и сработала команда: «От любви до ненависти». Да, Никита Новиков чертовски обаятельный парень, ладно он с большой буквы обаятельный. Да, я отдалась ему той ночью и не знаю, жалею или нет, но чтобы вот так... Чтобы прийти и в лоб предложить мне подобное? Хотя, чего я ожидала? Сама выставила себя в нелесном свете, легкодоступной девушкой, для которой близость тел ничего не стоит. Захотел – пришел, переспал и ушел. Захотел – пошел к другой. Ну уж нет! Один грешок не потянет за собой шлейф ошибок.

Я подскочила с кушетки, облизнув пересохшие губы, сделала глубокий вдох и произнесла жестко, насколько смогла, конечно:

– Послушай, я не девочка из квартала красных фонарей. Если тебе нужен секс для здоровья — в зале осталась толпа тех, кто с удовольствием раздвинет перед тобой ноги. А ко мне с такими предложениями подходить больше не надо. То, что произошло между нами – ошибка.

Каждое слово давалось с трудом, оно будто ломало, оставляя шрамы на теле. Никита прекрасно понимал, что в ту ночь был моим первым, что я не девчонка с шеста, у которой опыт с тележкой за плечами.

– Ты так изгибалась и постанывала, – с усмешкой произнес Новиков, прикусывая нижнюю губу. Создавалось ощущение, словно он вспоминает и смакует эти воспоминания. Вот же Дьявол!

– Я...

– Здравствуйте! – раздался голос медсестры.

Когда она только войти успела?! Я перевела на нее взгляд, а Ник продолжал разглядывать меня, будто ничего не поменялось за последнюю пару секунд.

– Вы что тут делаете, дети? – спросила пожилая женщина, поправляя очки на переносице. Меня будто раздели и выставили на всеобщее обозрение, до того стало неловко.

– Извините, – проронила я робко, проклиная все на свете, включая себя. Склонила голову, лишь не смотреть в глаза медсестре и быстренько умчалась прочь из кабинета.

__
 Дорогие читатели! Приглашаю вас в свой завершённый роман
 Ты теперь - моя девочка!
 Читать тут: <https://litnet.com/shrt/pCu0>

 – Не трогай меня! Отпусти! Ненавижу!
 – Уверена? – со смешком отвечает Тим.
 – А 2 года назад ты говорила другое. И стонала, и просила не останавливаться.
 – Это была ошибка...
 – Ну значит, за ошибку придётся заплатить, детка.
 Он жестокий. Беспринципный. Опасный. Его жизнь – сплошная тайна. Его прицел направлен в мою голову. Он должен был убить меня, но почему-то решил сделать своей игрушкой.

Глава 07 - Никита

Я так и знал, что переехать к отцу – плохая затея. Чувствовал нутром, каждой клеточкой, и все равно пошел напролом и притащился в его дом. Мне казалось, наши отношения в последнее время стали теплее, если так, конечно, можно вообще выразиться. Мы просто мирно сосуществовали, подобно двум планетам в одной галактике. Не трогали друг друга, проходили мимо, скромно кивнув головой в знак приветствия, не ели за одним столом, да и в целом практически не общались. Редко созванивались, и то разговоры выходили сухими, с паузами и обоюдным желанием поскорее закончить эту семейную комедию.

Отец никогда не любил меня, я это знал так же четко, как и то, что утром за окном встает солнце, а ночью на небе появляются звезды. В детстве я еще как-то старался завоевать его внимание, демонстрировал свои достижения, пытался убажывать, а потом забил. Ему плевать, значит и мне плевать. Он всегда винил меня в смерти матери. Если бы она не забеременела мной — не умерла бы при родах, так старик говорил, когда прибежал к бутылке. И время вроде шло, и мир менялся, и сын его рос, а он как будто остался в том месяце, когда гроб с его любимой женщиной закопали в сырую землю. Мать умерла и забрала с собой шанс получить мне отцовскую любовь.

Некоторые события из детства я помню, как сейчас: ранняя весна, с еще прохладным ветерком, мне пять лет, в штанах мечты на прекрасное, мать его, будущее. Приехал из садика с охранником, выскочил из кожаного салона крузака, и помчался к отцу на всех парах. В руках поделка из спичек, сам смастерил. Меня тогда такая гордость переполняла: никто не смог, а я ковырялся до последнего, пока не сделал подделку. Воспитательница перед всеми родителями похвалила, но так как папа за мной никогда не заезжал сам, я хотел лично ему похвастаться.

Вот только отец не понял радости в глазах маленького дурачка. Подделку выбросил в урну, еще и на няньку наорал, что она не смотрит за мной. Хотя не это стало окончательным надломом в наших отношениях.

Во втором классе я сдал учителям мальчишек, которые за гаражами подожгли крысу. Где они только нашли ее – непонятно. И как полагается по всем канонам, за это мне от них знатно досталось — темную устроили в туалете, хотели даже головой в сортир опустить, но не стали. Испугались, что мой батя потом нагнет их, он же важная шишка в городе. Правда, инцидент не прошел незамеченным и старика все-таки вызвали к директору. Юлили, пресмыкались, посоветовали со мной беседы провести.

Отец и провел.

Зашел ко мне в комнату, стащил с кровати и отлупил как следует ремнем: кожаным, с железными вставками. Лупил так, что у меня искры из глаз вылетали. Тогда я впервые разревелся, словно девчонка. Умолял остановиться его, жалобно выл, сжавшись в позе эмбриона. Я не понимал, за что он так со мной, ведь ничего плохого его сын не сделал, наоборот, пытался донести до взрослых, что у мелких с головой проблемы. Разве это нормально, поджигать живую крысу? Какая бы мерзкая она не была, это живое существо, которому также больно, страшно, и которое ждет от более сильного вида помощи.

– За что ты так со мной? – спросил я, икая то ли от боли, то ли эмоций, которые разрывали подобно гранатам мою душу.

Какое-то время он, молча на меня, взирал взглядом не то чтобы равнодушия, нет, скорое презрения. Будто я сделал что-то отвратительное, и старику было за меня стыдно. Тогда мне казалось именно так.

– Ты хоть знаешь, как я любил твою мать?! – строгим глухим басом произнес папа.

Тему про маму мы никогда не поднимали, она была под запретом. Старик и сам после ее смерти ни с кем не водится, будто его любимая женщина и не умирала вовсе. Он держал

ее фотографию в рамке у кровати, заказывал цветы на ее день рождения, которые зачем-то привозили к нам домой, а не на кладбище, заставлял кухарку печь торт. И не какой-то, а вроде как мамин любимый. Все это пахивало шизофренией, но маленьким я этого не понимал, мне как любому ребенку хотелось банально его внимания, любви, заботы. А отца кроме бизнеса больше ничего не интересовало.

– Если бы не ты, она была бы жива! Не могу на тебя смотреть, придушить охота, – выплюнул он мне в лицо, обрушив мрачную реальность, от которой по идее должен был наоборот беречь.

Затем молча развернулся и ушел. С того самого дня во мне сломалось все. Чувство вины росло, съедало, ломало до последней косточки. Я вдруг отчетливо ощутил – мама умерла из-за меня. Как я могу улыбаться и радоваться, когда ее нет? Когда я убил своим рождением женщину, которую никогда не смогу узнать?

А дальше все пошло по накатанной...

Я начал плохо себя вести в школе, влезать в драки, огрызаться. Меня били, и только в эти минуты приходило отупляющее чувство свободы. Казалось, когда появляются раны на теле, вина за смерть матери уменьшается. Хотя на самом деле она ни капли не уменьшалась, въелась в меня подобно раковой опухоли, от которой одно лекарство – дорога на тот свет.

Отец, конечно, не особо кайфовал от моего побитого вида, поэтому в четвертом классе отдал на борьбу, бокс, рукопашку. Я не учился толком, зато дрался отменно. Лишь когда оказывался на матах или на ринге, мог нормально дышать.

В средних классах начался пубертат, как у любого подростка полагаю. На фоне гормонального перестроения, мы с батей ругались почти каждый час. Я его люто раздражал то ли физиономией своей, в которой он видел мать, то ли выходками. Плюс на меня жаловались учителя, и родители детей, потому что я постоянно срывал уроки. Учеба меня не интересовала от слова совсем, книги тоже. В дневнике кроме красных надписей и двоек ничего не было.

Однако так продолжалось не долго: в шестом классе нам поставили нового классного руководителя. Пожалуй, она была единственной, кто пытался со мной разговаривать, слушать меня, понимать. Сперва это жутко раздражало, но потом я как-то проникся к пожилой тетке. Стал с удовольствием посещать на уроки литературы и русского, которые она вела. Даже приносил учебники с тетрадками, записывал с доски и не ерничал на уроках.

Помню, пацаны подложили Гале (там мы называли Галину Александровну) кнопок на стул. Она не увидела, по простоте душевной, верила, что дети ее хорошие, доброе ребята, и села на него. После уроков я от души накостылял одноклассникам и заставил извиниться. С тех пор классную больше никто не трогал. Побаивались.

Галя, кстати, привила мне любовь к книгам, каким-то чудом я улучшил оценки, заинтересовался учебой. Домашку делал регулярно, прогуливал наоборот - реже. Нет, в идеального молодца не исправился, на меня так же продолжали жаловаться, но уже меньше.

Когда выпустился из школы, Александровна даже заплакала. Подошла, обняла меня, словно любимого внука, по волосам погладила.

– Ты – мой лучший ученик, Никиточка, – произнесла она, да так тепло, что самому вдруг захотелось пустить слезу. Никто и никогда не вел себя со мной настолько заботливо и учтиво, как эта пожилая женщина.

На первом курсе батя подарил мне двушку в элитной новостройке. Понял видимо, что жить нам вместе сложно, мы будто перекрывали друг другу кислород. Хотя я и так частенько не возвращался домой, ночевал либо у одноклассников, либо у друзей.

Был еще третий вариант - засыпал в машине, на окраине города. Просто останавливался там, где вид красивый и смотрел на огни ночного города, на мрачные серые здания, на то, как небо медленно затягивает черное полотно. Был ли я в те минуты счастлив? Сложно сказать.

Я, в принципе, не особо понимаю значение этого мягкого слова «счастье». Для меня оно за гранью невозможного.

В квартиру я все-таки переехал, но спокойные дни закончились быстро, когда этажом выше заехала молодая пара. Они благополучно сломали все, включая мою мирную жизнь. Устроили потоп, потом, конечно, прибежали, оправдывались, извинялись, денег предлагали. Пришлось вызвать строителей, а самому съехать, и нет, бы снять номер в отеле, или квартиру для временной дислокации, проблем с карманными деньгами у меня так-то никогда не было. Отец выделил золотую карту, которую стабильно пополнял, да и сам я на боях без правил срубал неплохие суммы. Хотя второе реже – в последнее время подзавязал таскаться туда. И вот по глупости, я с чемоданом приехал в отчий дом, непонятно зачем, и непонятно почему.

Батя переезд принял без особого трепета и радости. Сказал сухо: «Твоя комната всегда свободна». А потом пошло-поехало...

– Какого черта ты ходишь в одних трусах по дому? У меня важные люди!

– Так я, может, для тебя стараюсь, – я откровенно веселился, вспоминая, как покраснела тетка, с которой они подписывали документы.

– Недоносок! Все еще ветер в голове?

Это был первый раз. Я тогда спустил ругательство на тормозах, отец, судя по всему, тоже. Обычно мы ссоримся громко и долго, а тут спокойно разошлись по своим углам.

Во второй раз я перебрал, что есть, то есть. Был в кабаке, нашел там девушку и благополучно с ней повеселился, а потом пьяный поехал домой. Ну и промазал малек, когда парковался. Влетел в мерс очередного важного дяди. Старик, конечно, откупился, в этом он был профи. Особые условия тому пообещал по контракту, зато на утро орал на меня так, что стены едва не рухнули.

Я еще поглядывал на них и думал: вот было бы забавно, если бы этот волшебный замок реально развалился. Сыпался бы медленно, по кусочкам, оставляя после себя осколки, которые со временем превратятся в пыль. Эта фантазия так позабавила, что я невольно усмехнулся.

– Смешно тебе, подонок? Ни стыда, ни совести! – стальным тоном процедил старик, и с размаху заехал мне по лицу. В свои тринадцать, я бы может, упал, вот только тренировки позволили накачать пресс, дали мускулы, а частые драки – стойкость. Я давно вырос из возраста, когда кулак в состоянии чему-то научить.

Третья стычка случилась у нас из-за моего колкого языка, соглашусь, тут я немного облажался. К отцу на встречу пришла молодая девушка, такая вся при формах, которые любой нормальный мужик будет рад потрогать, в деловом белом костюмчике. Она сидела с идеально ровной спиной, грациозно скрестив ноги, словно барышня, окончившая институт благородных девиц. Золотистые кудри водопадом струились на ее худеньких плечах, а сама она то и дело поглядывала в документы.

– У тебя очередная встреча? – спросил я будничным тоном, когда проходил мимо гостиной, где отец с этой дамочкой расположились на кожаном диване.

– Да, так что иди, займись своими делами, – ответил он холодно.

Девушка мазнула по мне оценивающим взглядом, будто мысленно выставляла галочки за каждый пункт моих внешних данных. Я к таким давно привык, и всегда точно знаю, что они означают: конкретно эта барышня хотела бы продолжить знакомство со мной в более неприужденной обстановке, а не с занудным стариком в лице моего отца.

И тут, черт меня дернул, проявить свою типичную манеру общения.

– Пап, как закончите, даму не отпускай. Двери в мою комнату открыты, буду ждать.

Она ничего не ответила, смутилась видимо, отвернулась, прикусив губу. Зато отец посмотрел на меня взглядом, в котором читались трехэтажные маты и желание в очередной раз проехать по моей физиономии. Там прямо большими буквами было выведено: как же ты

достал. Признаю, в этой ситуации, я действительно, перегнул. Стоило дождаться завершения встречи и уже после предложить себя и свою спальню.

Махнув рукой на грозное выражение отца, я спокойно отправился к себе, подумал, что на этом тема закрыта. Однако уже через час он сам явился ко мне и знатно проехался по всем показателям, считай, откатал асфальтоукладчиком. Так обычная ссора переросла в серьезный скандал.

– Почему ты не можешь быть нормальным? его голос заполнил комнату, словно накопальня, которая с грохотом била по стенам, желая их превратить в мусор.

Почему-то в тот момент я мысленно отметил, что не помню, когда старик обращался ко мне по имени. Он вечно тыкал, а вот чтобы сказать «сын» или «Никита» – нет, такого не было, не припомню. Даже в детстве. Будто сами эти факты его удручали.

– Нормальность – понятие относительное. Мир вообще полон ненормальных людей. – Устало произнес я, прохрустев шеей.

– Тебе почти двадцать один, а ведешь себя... как дерьмо у моих ног! И из-за такого Наташа... – он осекся, а меня наоборот накрыло.

Грудь словно обожгло, а невидимые иглы казалось обвили глотку. Я стиснул зубы и перевел взгляд на дубовые двери, распахнутые настежь. Проклятый волшебный замок, построенный из кучи бабок и ненависти. Прекрасное местечко за городом, где в воздухе поселился запах гнилья. Только непонятно, кто гнил здесь... Что за существа вообще должны жить в этом шикарном особняке?

– Ну, продолжай, – произнес я. – Мама умерла из-за такого дерьма, как я. Знаешь, пап, вот одного не понимаю: ты ж не дурак, чего же тогда не предохранялся? Так сильно хотелось завалить кого-нибудь?

– Ублюдок, – выругался отец.

Его рука поднялась вверх, но так и замерла в воздухе, не решаясь закончить начатое. Он прищурился, разглядывая мое лицо, а затем скривился, словно, в самом деле, увидел перед собой кусок дерьма. Обычно меня не задевало отношение старика, а тут неожиданно показалось, что из меня выкачали кислород до последней капли. Словно кто-то связал мои конечности веревкой, прицепил балласт к ногам и кинул ко дну, в надежде, что ненужная вещь наконец-то потонет. Находиться рядом с отцом стало настолько невыносимо, что даже глубокие вдохи не помогали. Лучше бы он ударил меня, а не смотрел этим взглядом, который разрезает плоть на две части.

Я оттолкнул его, схватил с прикроватной тумбы ключи от машины и выбежал на улицу. Сел за руль и дал по газам, не замечая, как отметка на спидометре перевалила за сотку. Не думал ни о чем, ехал в неизвестность – прямо по пустой трассе, и неважно куда, главное не останавливаться. Минут через двадцать пульс замедлился, я успокоился и прильнул к обочине.

Опустив голову на руль, я прошептал сквозь зубы:

– Ненавижу тебя, пап! Твою мать! Нет! Ненавижу себя! Сгореть бы где-нибудь, очистить мир от мусора, исполнить мечту папочки.

Ночевать в машине желания особо не было, зато хотелось выпить коньяка или рома, хотя плевать чего, главное залить в себя алкоголь. Много, пока не отрублюсь. Или выкурить травки. Тоже неплохо, на пару часов отпустило бы. Я вытащил телефон и набрал Филу, но этот влюбленный муженек не ответил. Конечно, у него теперь любовь-морковь, радужные сны и вкусный завтрак по утрам. Но отдаю должное Катя хорошая, без преувеличения.

В итоге вызвонил Егора Крюкова со второго курса, он в общежитии жил. Планировали вместе отдохнуть, да только Крюкову в последний момент написала девушка. Еще один каблук. Он всучил мне ключи от комнаты, сказал, что сосед отчалил на выходные, и разрешил собрать народ, не жалко.

Правда, человек я не особо компанейский, поэтому народ созывать, конечно, не стал. Решил, что просто переночую, несмотря на то, что общаги ненавижу. У нашего универа они старые, богом забытые, а еще холодные и там вечно воняет какой-то фигней. Был разок у Егора в гостях и больше не ногой.

Припарковавшись в свободном кармане у входа в задние, я лениво забрел в корпус. Показал студенческий ворчливой бабке, которая зачитывалась каким-то романом с отвратительной обложкой. Она недоверчиво покосилась на меня, сверкнув золотыми зубами. Короче, мы явно не понравились друг другу.

Я завернул на лестничную площадку, не особо вслушиваясь в громкую музыку, которая разлеталась эхом. Видимо где-то в комнате устроили вечеринку. Плюс добавился запах табака, солений и выпивки. Я поморщился. Можно было бы заглянуть на огонек, с этим проблем никогда не было: хочу – прихожу, хочу – ухожу. Но настроение было такое, словно тупой иглой пытаешься проткнуть дырку: бесполезно и бессмысленно.

До пятого этажа, где жил Егор, я по итогу не дошел, почему-то свернул на четвертом. Задумался видимо об отце, матери, о несостоявшейся семье. Сделал два шага в сторону коридора и остановился.

Увидел ее...

Глава 08 - Никита

У нее были светло-золотистые волосы, которые, кажется, переливались в темноте этого грязного коридора. Губы идеальной формы, слегка припухшие, бледно-алого цвета, наверняка сладкие. Ровный аккуратный носик, и глаза – голубые, напоминающие летнее небо, вдоль которого парят птицы-самолеты, оставляя бесконечно длинный след. Я почему-то подумал именно об этом, разглядывая глаза незнакомки. Хотя было в ней и что-то по-зимнему холодное, может взгляд, а может что-то еще, я толком не понял своих ощущений.

Зато сразу понял, что в туалете, у которого застыла девчонка, был ее парень и занимался он там явно не тем, чем положено, судя по женским стонам. Не долго думая, я подошел к незнакомке и предложил отомстить. Я не планировал уламывать Снежинку на одноразовый перепих, хотя она была симпатичной, с долей очарования, со своей изюминкой.

Девчонка сперва отказала, видимо, разыграли эмоции и прочее. Думал, плакать будет, а она с вызовом глянула на меня и неожиданно поменяла решение. Выбора особо не было, не в машину же к себе ее тащить, поэтому пришлось остановиться на комнате Егора. Я взял незнакомку за руку и повел за собой, предвкушая разрядку. Откуда-то и настроение для секса взялось, в штанах тесно стало от одной мысли, как буду раздевать, целовать девушку.

И ведь не ошибся, только стоило прильнуть к ее губам, провести пальцами вдоль бедер, дотронуться до груди, как я моментально возбуждился. В голове словно осел туман, вдоль которого я брел и не желал идти по другой дороге: ведь в тумане была она – Снежинка, так я ее охарактеризовал для себя, имени-то не знал. Однако в момент икс девчонка издала то ли крик, то ли стон, и я все понял без слов – девственница. Это была подстава, потому что обычно я не сплю с невинными овечками. Это чревато последствиями в виде – «давай встречаться». Хотя девственницы не соглашаются с первым встречным прыгать в койку, они же все такие невинные цветочки, мечтающие о принцах. Но Снежинка меня удивила.

А когда она молча встала и ушла, сообщив, что знать имена друг друга – ненужная трата времени, я конкретно подвис. Сперва даже подумал, не показалось ли мне, а как же фразы из серии: «позвонишь мне завтра» или «давай на выходных сходим в кино». Однако Снежинка молча ушла из темной комнаты общаги, беззвучно прикрыв за собой дверь. Ну и ладно, решил я, собственно, зачем мне знать ее имя? Никогда их не запоминаю. Вот все бы так, как эта: получила свое и свалила. Неплохо.

Только на следующий день я уже мыслил по-другому. Ехал к себе на квартиру, где еще оставался строительный мусор, и думал только о Снежинке, ее губах, изгибах тела, ангельском голосе. У нее точно не было духов, но легкая нотка цитруса, витавшая в тогда комнате, словно преследовала меня. Мне редко хочется повторения, секс – лишь способ расслабиться, я не сочетаю его с близостью. Ведь близость – это гораздо глубже, то, чего я избегаю, то, о чем не мечтаю. Да и казалось бы, что в ней такого в этой блондинке? Обычная. Да, смазливая, да, в моем вкусе. Но ничуть не лучше, а то и хуже тех, с кем я предпочитаю проводить ночи.

Надо переключиться...

С отцом мы с пятницы не разговаривали. Строители доделали дела в моей квартире, получили оплату и уехали, так что нужды оставаться в волшебном замке папочки у меня больше не было причин.

Вечером позвонил Артуру Сургатову с факультета безопасности — мы с ним на первом курсе вместе ходили на историю. Сургатов из простой семьи, не выделяется особо, и никогда не отказывается от загулов. Одним словом - компанейский товарищ. Лучше бы, конечно, с Филом провести время, но женатик наверняка свою невестушку ублажает.

Артур зависал в гостях у девчонок с фармацевтики. Симпатичных девчонок. Моему появлению они обрадовались: заулыбались, стали крутиться рядом, салатиками угощать. А Сургатов сразу надулся, потому что все внимание переключилось на мою персону. Мы выпили вина, разговорились. Я такие встречи обычно рассматриваю как легкий релакс — ни имен, ни лиц не запоминаю. А зачем? И так нормально.

Одна из будущих гур аптечной сферы, через полтора часика тонко намекнула, что не против развлечься. Да и я был не против. По пути зашел в ванную, руки сполоснуть, волосы пригладить, капнул жидкое мыло, и от него по маленькой комнатке разлетелся аромат: цитрус и карамель.

Примерно такой же был у Снежинки.

В глазах вспыхнул ее образ: невинная, обнаженная, с алыми, сладкими, словно сочные вишни губами и взглядом, затягивающим в пропасть. Я плеснул водой в лицо, вот только было поздно. Возбуждился. Проклятье! Не припомню, чтобы заводился от одной мысли о ком-то, о воспоминаниях женского прекрасного тела, оно у нее было отменным, ни дать, ни взять.

Из ванны я вышел готовый покорить хоть вершину Эвереста. Подошел к столу, за которым сидели студентки, взял за руку ту, что улыбалась мне. Мы ушли к ней в комнату, и она как следует, ублажила меня в разных позах. Я вроде получал разрядку, да не ту. Не такую, как со Снежинкой. Хотя какая там могла быть разрядка? Тесно, быстро, второй раз не полезешь. Но почему-то я чертовски кайфанул. А здесь же совсем другие ощущения. *Не понимаю... ничего не могу понять.*

В воскресенье я все-таки озадачился: как же звали мою незнакомку, где она учится, чем живет? Почему решила отдаться мне и почему не попросила ничего взамен? Даже вчерашняя девчонка канючила, мол, давай погуляем, чем будешь занят на выходных, не хочешь сходишь в кафе. А здесь... меня словно отшили. Это одновременно и заводило, и раздражало.

Может, мы и не увидимся больше никогда. Хотя, откровенно говоря, безумно хотелось увидеться и переспать разок, ну или пару разков. Я поймал себя на мысли, что слишком много думаю о Снежинке. Это было совсем на меня не похоже.

А в понедельник судьба сама прислала мне ее в руки. Нам объявили, что физра будет смешанной с педагогическим факультетом. Ромка опять проспал или просто решил не посещать пару, поэтому я пришел в компании с одноклассниками.

В зал мы ввалились громко, шумно, и конечно, на нас все обратили внимание. Физрук не требовал чего-то необычного: подтягивания, отжимания. Я лениво подошел к турнику, подтянулся тридцатник и спрыгнул. Девчонки, само собой, шушукались — они обычно стараются не демонстрировать свою симпатию, потому что я могу быть грубым, последним хамом и дерьмом, как выражается отец. И многие уже нарывались на мои неосторожные высказывания, поэтому предпочитают любоваться издали. Я не Ромчик, меня такие штуки не вставляют.

Потом физрук выдал мячики парням с другой группы. Среди них, между прочим, были будущие физкультурники — а подтягиваются и отжимаются хуже девчонок. В общем, они так заигрались, что один по дурацости или из-за полного отсутствия серого вещества в голове, кинул мяч в сторону девушек.

— Осторожно! — крикнул парнишка.

Зевая от скуки и предполагая, что сейчас произойдет, я перевел взгляд в другой конец зала. Девчонки шустро разбежались, но одна осталась...

Я замер, да и время будто, кто-то поставил в режим замедленной съемки. Не мог шевельнуться, просто стоял и смотрел на нее — мою незнакомку, которую я называл Снежинкой. Глаза ее расширились, губы, такие знакомые и желанные, разомкнулись, а на бледные щеки лег румянец.

– Ай! – пискнула она, в тот момент, когда мяч ударил ее.

Снежинка пошатнулась, потеряла равновесие и едва не упала, но вовремя схватилась за турник, возле которого стояла.

– Уль, сорян, – с какой-то то скрытой усмешкой выдал этот придурок.

– Ульян, ты как? – спросила другая девчонка.

Ульяна значит. Вот так встреча. Знак судьбы, не иначе.

Я думал подойти, поздороваться с ночной гостьей, но физрук опередил и отправил Снежинку в медпункт. Она выскочила из зала с такой скоростью, будто нас вот-вот настигнет ураган. Что ж меня тоже настигло возбуждение, которое было бы неплохо устранить.

Я смиренно выждал пару минут, а потом подошел к баскетбольному кольцу, и технично втиснувшись в игру, отвесил типа случайно пас в сторону придурка, который попал по Ульяне.

– Эй, ты чего? – обидчиво уставился парень, потирая бедро.

Дохлак. Это я еще легонько бросил.

– Сорян, – я развел руками, повторяя его интонацию. Обычно во мне ни капли мстительности, а сегодня наоборот - хотелось ответить.

– Григорий Константинович, – я обратился к физруку, который откровенно залипал на задницы студенток, обтянутые лосинами. М-да... Взрослый мужик, а ведет себя как пубертат.

– Я отлучусь.

– Быстро только.

«Тут уж как получится», – подумал я про себя. Хотя «быстро» — не про меня.

В медпункт не шел, бежал. Вены казалось бурлили кипятком от возбуждения. Я почему-то был уверен, что пересплю со Снежинкой и забуду о ней. Ну и хотел дело доброе так сказать сделать: научить бывшую девственницу разным крутым штучкам, от которых не только я, да и другие парни были бы в восторге. В любом случае, два раза для меня – вполне пойдет, третий – уже мимо.

И вот я такой весь разгоряченный влетел в медкабинет, представляя, как буду снимать с нее одежду, ласкать губами грудь. Девчонка сидела на кушетке спиной к дверям, скромно поглядывала в окно. В ней не было ни грамма пошлости или развратности, несмотря на то, что отдалась она первому встречному. Все-таки интересно, почему она не спала со своим парнем, для чего берегла невинность?

Усевшись рядом, я предложил так сказать совместить приятное с полезным, вот только Снежинке идея не понравилась, к моему удивлению. Да, признаться, она шокировала своим отказом. И еще посмотрела так, словно большей чуши не слышала и выскочила из кабинета, будто я маньяк какой-то.

«Да и плевать! Не хочешь, не надо!», – подумал про себя я.

Красивых и согласных полно. Мне всегда было фиолетово на отказы. Хотя, откровенно говоря, не помню, когда меня в последний раз отшивали...

Глава 09 - Ульяна

Я выскочила из кабинета медпункта, и помчалась вдоль коридора, едва не спотыкаясь на ходу. Хотелось оглянуться — мало ли, вдруг он пошел следом, но не смогла, силы духа не хватило. Никита своим предложением застал меня врасплох. Разве такое говорят девушкам, с которыми?.. Мысленно я себя оборвала, ведь той ночью в пятницу он вел себя практически аналогичным образом. Разница в том, что я согласилась по собственной глупости — эмоции бушевали, хотелось отомстить, да и сам Никита был очень красивым. А как целовался... Стоп. Об этом вспоминать не стоит. Было и было... Даже если было очень приятно.

Я ведь тоже не дурочка, отлично понимаю: парням вроде него нужен только секс. Их не интересуют отношения, любовь, семейные вечера с просмотром любимого ситкома. Хотя одно радует — они не скрывают своих намерений, в отличие от Иванова. До сих пор поражаюсь его выходке, как он мог... Что у них вообще со Светкой? Одноразовые встречи по дружбе? Или как это называется в современном обществе? Секс дружбе не помеха? Уверена, будь у меня такой друг, Женька сразу бы отвернулся. Поэтому отвернулась и я. Пошел он со своей ненаглядной.

Добежав до конца коридора, я все-таки набралась смелости и оглянулась. Пусто. А чего я, собственно, ожидала? Никита не пел мне в уши сказок, наоборот прямо предложил себя в качестве ночного утешения. Головой-то я это отлично понимаю, но сердце все равно сжимается от обиды. Не на Никиту, конечно, больше на себя, свою глупость. Никогда не хотела стать куклой на одну ночь. Презирала таких. На мать ругалась, за ее распушенность, вечную смену мужиков, в итоге сама скатилась. Нет! Больше подобного не повторится. К тому же и Никита вряд ли еще раз подойдет. Может, мы больше и не встретимся, случайные совпадения имеют свойство заканчиваться. Поэтому: с глаз долой, как говорится.

В спортзал я возвращаться не стала. Решила переодеться и подождать Анфиску в холле. Заодно мысли привести в порядок. Красивый мальчик-искуситель умело их подпортил. Интересно, сколько у него таких было? Глупых, вроде меня...

Но только стоило мне выйти из раздевалки, накинув рюкзак на плечи, как передо мной вырос Иванов и нагло перегородил дорогу, сканируя каким-то больно строгим, хмурым взглядом. В карих, практически черных глазах, переливались блики. Раньше мне хотелось смотреть в них, разглядывать свое отражение, теперь же единственное желание было кинуть в эти блики камень.

— Ульян, давай поговорим, — произнес Женька, разрывая давящую тишину между нами. В его голосе звучала усталость. А, судя по тяжелым вздохам и быстро вздымавшейся груди, он явно не шел, бежал сюда. Правда, зачем — непонятно.

— О чем? — сухо я спросила, сжимая лямки рюкзака, и чувствуя, как внутри нарастает нервное напряжение.

— Да, я виноват, но...

— Но? — я удивленно вскинула бровь, поражаясь тому, с какой легкостью Иванов признает свою вину и при этом ищет оправдание.

— Мое отношение к тебе не изменилось.

— А мое к тебе изменилось. Давай на этом и закончим, — я попыталась обойти его, но Женька резко схватил меня за руку и дернул обратно, да так сильно, что я впечаталась спиной в дверь раздевалки.

— Что ты...

— Уль, послушай, — протянул Иванов, делая шаг ближе.

— Не хочу! Иди к Свете. Я не понимаю, зачем ты пришел ко мне? Если вам отлично вместе, то и будьте вместе. Я не фанат шведских семей, Жень.

– Секс – это не отношения и не семья. Это тупо секс, – прорычал он и скользнул взглядом на мои губы, а затем ниже к области груди.

Я вырвалась из его хватки и скрестила руки перед собой. Омерзительно. Разве может человек в одночасье настолько низко упасть в твоих глазах? Неужели до этого на мне были те самые пресловутые розовые очки, которые закрывали реальность?

– Вот со Светой это и обсуждай, – почти крикнула я ему и, чуть наклонившись, выскочила из барьера, который возвел Иванов.

В коридоре слышались голоса, видимо, ребят уже отпустили с пары. Я поняла, что пора уходить, если не хочу снова смотреть публичные концерты.

– Мы еще поговорим об этом, – прилетело мне в спину.

Уже не знаю, что творилось в голове у этого парня, и на что он надеялся, преследуя меня. Мне было до такой степени противно, что даже от осознания, что мы дышим одним воздухом – становилось тошно. Поэтому я не обернулась, лишь прибавила скорость. И пока ноги несли меня подальше, откуда-то взялось облегчение – хорошо, что моим первым мужчиной стал не Женья. Да, о таком не расскажешь подружкам и не вспомнишь, сидя в веселой компании. Фанерные двери, скрипучая кровать с матрасом, который давно пора выбросить, закопченные потолки, деревянные рамы на стеклах – от комнаты в общежитии совсем не веет романтикой. Пускай так. Зато рядом с Никитой в ту минуту я ощутила себя по-настоящему свободной – желанной женщиной.

Парень с глазами цвета грозового неба – моя ошибка, мой неверный шаг в пропасть. Но в то же время это самый упоительный нелогичный поступок в моей жизни.

Остаток дня закончился тихо. Если не считать, конечно, те пару раз, когда мы с Анфиской нарывались на Иванова – то в лифте, то на лестнице, он проходил в компании парней из группы. Те неоднозначно окинули нас пустыми взглядами, и молча зашагали дальше. Женька тоже больше не подкатывал с оправданиями. Оно хорошо, иначе не знаю, вряд ли бы сдержалась от такой желанной пощечины.

А вот Синицына наоборот – выделялась: в коридоре плечом случайно задела, для виду случайно, так понятное дело – специально. Когда я в туалет пошла, за мной следом ее подружки увязались, а потом, судя по голосам, и она сама нарисовалась. Прикрыли пластиковую дверь в дамскую комнатку, и давай обсуждать:

– Это правда, что Иванов и Ветрова расстались?

– Реально из-за тебя, Свет?

– Вы переспали?

– И как он? Ну, в постели? А размерчик пойдет?

Слушать эти глупые сплетни было невыносимо. Хотелось или закрыть уши, или выйти и высказаться. Однако опускаться до их уровня – себе дороже. Синицына с кем только не спала, да и подружки ее такие же. Если для этой девушки нормально заводить «секс по дружбе», то нам явно не по пути, даже в оскорблениях.

– Я просто рассталась с Эдиком и так грустно стало. А Женька огонь, а как целуется, – пела соловьем Света.

Наверное, подобные высказывания должны задевать, обижать, вызывать горькие, рвать душу в клочья и все такое. Только меня почему-то ее слова совсем не задевали, будто она говорила об абсолютно постороннем человеке: никакой ревности, злости, желания завывать в голос. Я не ревновала, не бесилась. Ну, переспали и ладно. Той ночью не одни они согрешили. И еще неизвестно, кому было лучше.

Из кабинки я вышла с гордо поднятой головой, под пристальные взгляды Светы и ее подружек. Сполоснула руки, посушила. Пока проводила махинации с водой и салфетками, дев-

чонки молча глазели в мою сторону. Видимо, ждали чего-то, правда чего – я не поняла. А когда закрыла за собой дверь, разговоры в туалете вспыхнули с новой силой. Что ж, будем считать, что я стала легендой.

С последней пары отпросилась, потому что у меня в четыре часа была ученица по русскому – Марина Алушина. Училась девочка в десятом классе, не отличница, зато усваивала материал неплохо, просто ленилась иногда. Скромная, улыбчивая, и, в целом, с ней никогда не возникало проблем. В отличие от Марины, мама у нее была та еще скандалистка. Если дочка не позвонит ей вовремя, если не отчитается, что приехала на урок ко мне, между ними начинался скандал. Пару раз такое случалось прямо на занятиях. Мы разбирали новую тему, и тут звонит мамочка — кричит в трубку не своим голосом, словно случилась беда космического масштаба. Марине тогда неудобно было, жуть, она покраснела, даже расплакалась. Я думала, вообще не придет больше, но, к счастью, пришла. Сказала, что со мной ей комфортно заниматься и объясняю я доходчиво.

Сегодня Марину привезла тоже мать, и даже проводила до самой квартиры. Сдала, считай, из рук в руки, и под конец занятия строго наказала набрать — якобы ждать будет у подъезда. Я не стала спрашивать с чего вдруг такой тотальный контроль, но Алушина сама рассказала, пока раскладывала книги на столе.

– Ульяна, ты извини за сцену, мама из-за вчерашнего перегибает.

– Да ничего, а что случилось вчера? Ты ее расстроила? – я отодвинула старенький деревянный стульчик, на котором лежала плоская подушка, усадила на него ученицу, а сама присела на табуретку без спинки. Мебель у нас давно нуждается в замене, как и большая часть квартиры.

– Унюхала запах сигарет, – выдохнула с горечью Марина.

Взгляд ее потух, бровки сложились домиком. Мы с ней были одного роста, только Алушина — брюнетка с короткой стрижкой, а я блондинка. Хотя это она недавно подстриглась, и то, как поняла, назло матери — до этого ходила с косой до пояса.

– Курить начала? – спросила я осторожно, открывая учебник на нужной странице.

– Да нет, – отмахнулась она. – Там просто...

– Если не хочешь, можешь не говорить.

– Ну, девчонки с класса начали: мол, такая, как ты, никогда сигаретку в рот не возьмет. Смеялись, подкалывали.

– И ты решила попробовать? – уточнила я.

Все-таки Марина не была похожа на тех, кто сам начинает курить, пить. Да и мать у нее строгих нравов, гулять-то не всегда разрешает, неудивительно, что засекла запах. Наверняка дома был серьезный скандал.

– Разок затянулась, кашлять начала и выкинула.

– А мама как узнала?

– Учительница настучала ей, заметила нас. Стерва! – фыркнула Марина, обиженно прикусив губу.

Я хотела еще поспрашивать, но тут хлопнула входная дверь, и послышались тяжелые шаги. Видимо, Ванька вернулся. Алушина вдруг выпрямила спину, заправила за ушко прядь, скользнувшую на лицо, казалось, она вся будто подобралась в ожидании чего-то волшебного или кого-то. Нет, я и раньше замечала, как ученица поглядывала в сторону брата. Ваня у меня симпатичный, видный парень. Жаль, что кроме своей Кристины никого не замечает, вбил себе в голову глупость и страдает от этого.

– Я сейчас вернусь, повторяй домашнее задание, – сказала строго Марине, а сама решила заглянуть в комнату к брату. Алушина ничего не сказала, однако по выражению ее лица я поняла

- расстроилась. Она уткнулась в учебник, я же тем временем отправилась к брату. Ему кто-то позвонил и он, никого и ничего не стесняясь, довольно громко — практически на всю квартиру — завел разговор. Так что я не подслушивала. Просто кое-кому говорить надо тише.

— А что, если я возьму в долг и поставлю ставку? С выигрыша отдам. Да! Понимаю. Ночная ставка сработала отлично, я в плюсе.

Я застыла возле комнаты брата и пыталась вникнуть, о чем он вообще говорил. Неужели опять тотализатор? Да как у него вообще принимают ставки, ему же и восемнадцати нет! С другой стороны, если все нелегально, то и возраст никого особо не интересует. Господи! Я прижала ладонь ко рту и попыталась дышать спокойнее. Во что этот дурак лезет?

Минуты через две Ваня закончил странный диалог, и я прошмыгнула к нему, прикрыв за собой дверь. Встала у входа и внимательно посмотрела на мелкого, который уже вполне себе не мелкий, а взрослый широкоплечий парень. Будущий мужчина.

— Чего? — спросил брат, усаживаясь на кровать, и так косо глянул в мою сторону, будто ему не терпелось поскорее остаться одному.

Я подошла и села рядом. Диван-книжка скрипнул, напоминая о своей старости. Мы накрывали его зеленым пледом, чтобы хоть как-то скрыть потертости и ветхость, однако звуки все равно выдавали.

— О чем ты говорил по телефону? Что за суммы?

— Подслушивать нехорошо, — буркнул Ваня и, поднявшись, подошел к окну.

— Я и не подслушивала, ты кричал на всю квартиру.

— В субботу будет тотализатор. Мне нужна крупная ставка, чтобы выиграть нужную сумму, — сухо ответил брат, разглядывая улицу через стекло.

— Тебе же нет восемнадцати, как ты можешь участвовать в этом?

— Уль, какая ты наивная, — усмехнулся Ванька, кинув на меня взгляд через плечо.

В его глазах так и читалось: иди, погуляй, наивная простота. Я, может, и не знала всех нюансов, но нутром чуяла — ничем хорошим не закончатся игры с деньгами. В конце концов, проигрыши никто не отменял.

— И все-таки, — настаивала я.

— Нелегальный тотак: если за тебя замолвят словечко важные люди, то ставку примут даже от пятнадцатилетнего. Были бы бабки, как говорится.

— Ваня, остановись, не влезай в это, — я встала, подошла к брату и коснулась его руки. Думала обнять, но он резко оттолкнул меня. От него так и веяло недовольством, непривычной холодностью по отношению ко мне.

— Я сам знаю, что делать, а что нет. Мне не три года, Уль. Да и не факт, что прокатит с займом. Но в этот раз мелкие ставки не берут, — грустно вздохнул брат и провел ладонью по лицу, словно безумно устал носить тяжелую ношу на плечах.

— Вань, а если проиграешь? Как будешь отдавать кредит?

— Во-первых, мне еще никто ничего не дал. Во-вторых, там верняк. Я все просчитал. А в-третьих, вали-ка к своей ученице, дорогая сестрица. Твоя опека уже в печенках сидит.

Глава 10 - Ульяна

Ругаться с Ванькой я не стала, решила пойти иным путем - поговорить с матерью. В конце концов, это она должна заниматься воспитанием сына, а не ее старшая дочь. Он в силу своего юного возраста не понимает многих вещей, поэтому думает, что ставки – отличный способ разбогатеть. И кто как не родители в такой ситуации должны раскрыть глаза своему ребенку? Согласна, конечно, не факт, конечно, что Ваня слушает мать. Он сейчас видит мир разноцветной зеброй со стороны друзей, и серым пятном со стороны взрослых. Но она – мать, а к родителям обычно прислушиваешься. По крайней мере, я всегда старалась прислушиваться.

Правда, разговор у нас вышел скудным. Мама вернулась домой почти в девять, щебетала утренней птичкой, кружилась по комнатам. От нее несло сладкими духами и табаком. Видимо, в зале для курящих сидела. Я выждала законных полчаса, пока мама сходит в душ, переоденется и пойдет на кухню чаевничать, и тут уже подкатила с претензией.

– Ваня собирается брать кредит для участия в нелегальном тотализаторе! – обрушила я всю правду ей на голову. Хорошо, брат ушел к другу резаться в пloyку, и дома его не было.

– Кредит? – мама замерла на стуле.

Кухня у нас была небольшой: стол, несколько табуреток, холодильник, да кухонная гарнитура. Особо не протолкнуться, а троим в одной комнате сразу становилось тесно. – Да, мам. Заем денег. Ты должна с ним поговорить.

Я стояла в дверном проеме, скрестив руки на груди, и пыталась согреться. Отопление в нашем доме всегда давали слабенькое, поэтому зимой полы были ледяные настолько, что казалось, в стенах есть щели, откуда задувает ветер.

– Кто ему даст кредит, Улечка? – улыбнулась мать и потянулась к маленькой красной пиале с мармеладками в сахаре.

– Мам, это все нелегально. Ему дадут, не переживай. Но если он, не дай бог, проиграет, возвращать придется нам с тобой.

– Глупости, – отмахнулась мама.

– Ты серьезно, мам? – я в очередной раз поразилась, как легко эта женщина решает проблемы.

– Улечка, кредиты так просто не раздают направо и налево. Для этого надо работу официальную иметь, справку о доходах, а он...

– Мам! – крикнула я раздражаясь. – Ты меня не слышишь, кажется. Я говорю: это нелегальный тотализатор. И заем нелегальный. Поговори с Ваней, заставь его отказаться от этой...

– Хорошо-хорошо, только не кричи. Я поговорю, а если не поможет, Валеру подключу. Не переживай, договорились? – она улыбнулась, словно только что решила все наши проблемы, а мне в очередной раз стало обидно до слез. Не было в ее улыбке ничего такого, что должно быть в улыбке матери: ни заботы, ни отзывчивости, ни тревоги за сына *Плевать. Ей всегда плевать на своих детей.*

– Ты неисправима, – сухо произнесла я и ушла в свою комнату.

Уселась на кровать, задрав ноги, и уткнулась в колени носом. Надо перестать быть всеобщей нянькой, проиграет Ванька, ну и ладно! Чего я собственно переживаю? Есть Валерий, супер крутой любовник, по маминым меркам. Вот пускай сами и разбираются, не маленькие ведь.

С этими мыслями, я плюхнулась на подушку, закрыла глаза и задремала.

Неделя меня серьезно вымотала. В университете наступила тестовая неделя, которую как обычно студенты никогда не ждут. Плюс к ней прибавилось обилие домашних заданий.

Преподаватели словно готовились оторваться перед зимней сессией. Еще Иванов дал жару: пару раз подлавливал меня у входа в корпус и приставал со своим «давай поговорим». Говорили о том же, вернее, говорил Женька. Я же просто шла в нужную сторону и старалась не слушать пустые отговорки, а потом мы молча расходились в разные коридоры. На переменах он открыто на меня поглядывал, глаз отвести не мог, и вечно оказывался там же, где я, хотя у нас частенько пары стояли на разных этажа.

Однако добила меня пятница. Я отпросилась во время занятия в туалет, и тут откуда-то взялся Женька. Нагло завалился в дамскую комнату, захлопнуть за собой, подошел ко мне, да так близко, что даже интимно.. Я в этот момент стояла рядом с раковиной и мыла руки.

– Мне надоело бегать за тобой, – выдал герой-любовник.

– Посочувствовать или похлопать в ладоши и восхититься твоей настойчивостью? – взяв салфетку, я повернулась лицом к нему.

Маленькое расстояние между нами практически вибрировало от напряжения. Я ощущала его даже плечами, словно на них лежал тяжелый груз. Еще пару недель назад мне бы понравилось и мы бы наверняка слились в нежном поцелуе, а сейчас я ощущала, будто задыхаюсь в компании человека напротив.

– Ты реально думаешь, что какой-то другой дурак будет терпеть игры девочки-целки? – в глазах Женьки мелькнула ледяная злость. Его фраза неприятно резанула слух.

– Не переживай, девочка-целка как-то справится с этой проблемой. А теперь, отойди-ка! Мешаешь, – я скривила губы, и, не дожидаясь ответа, обошла Иванова сама.

Ждала очередную гадость в свой адрес, но Женя, похоже, слишком долго думал. Интересно, зачем он пытается наладить отношения, раз я настолько ему противна? Совсем крыша поехала, что ли...

А уже вечером, когда я вернулась домой, меня ожидал концерт. Забавный такой. Мать с Валерой закрылись у Ваньки в комнате и учили его взрослым обдуманым поступкам. Правда, не знаю, кто еще кого учил. После «родительских» наставлений Валера вышел из комнаты брата с взглядом победителя, эдакий горделивый самец, который смог поставить на путь истинный своего сына, и смотался к знакомым товарищам. Как позже выяснилось, он тоже решил поучаствовать в тотализаторе. И чего я, собственно, ожидала? Что взрослый мужик, который у нас в квартире ошивается относительно недавно, будет переживать за чужого ребенка? Или что под давлением взрослых у глупого Ваньки проснется мозг?

Видимо, никому не было дела до подростка, мечтающего о девушке из высшего общества. И если я не хотела, чтобы с ним приключилась беда, должна была все-таки как-то надавить, вмешаться. Не сегодня, конечно, пусть остывает, иначе получится игра в одни ворота, где мама — добрая фея, а я — злой маг.

Однако утром в субботу мы разминулись: Ваня ушел в школу, а я занималась с учениками дома. Время от времени поглядывала на часы, потому что брат все не возвращался. К трем часам стало тревожно. Сердце словно сеткой обтянуло, сдавливая бедный орган. Я старалась, конечно, отвлечься: почитала конспекты, приготовила ужин, стала делать проект. За окном успело стемнеть, а брат так и не вернулся.

В пять часов не выдержала, решила позвонить, но приятный женский голос на другом конце сообщил, что абонент недоступен. Где-то внутри сработала еще одна тревожная кнопка. В семь явилась мама с Валерой, оба довольные, веселые, румяные, мать с цветами в руках. Конечно, мои разговоры про брата им были неинтересны. Как же противно... В такие моменты я задавалась вопросом: зачем она нас родила? Неужели только потому, что денег на аборт не хватило?..

– Мам, ты с Ваней не созванивалась? Его до сих пор нет, а телефон отключен...

– Он говорил, что у друга ночевать останется, – выдала она и пошла на кухню.

Какого такого друга, правда, не пояснила. Нормальная мама знает всех друзей своих детей, а Ванька никогда не ночевал ни у кого. Разве что у нас пару раз оставался его товарищ.

– Как зовут друга? Я позвоню! – настаивала я.

– Ну чего ты, Ульянка? – подал голос Валера, все еще стоявший в прихожей, и мазнул по мне влажным взглядом сверху вниз.

Уже не первый раз я встречала этот взгляд, да и Ваня замечал, даже матери пытался намекнуть, что как-то нехорошо поглядывает Валерий в мою сторону. Однако мать, как обычно, отмахнулась.

– Я не Ульянка, а вам, дядя Валера, лучше парфюм сменить. Тошнотворный, – фыркнула я, развернулась и закрылась у себя в комнате.

Я до скрежета зубов ненавидела этого человека! Казалось, это чувство настолько возросло, что проникло под кожу, оставляя там неприятные рубцы. Одного не понимаю: как мама может ложиться с ним в одну кровать, позволять целовать себя и самой дарить ласки...

Хорошо еще, что дверь в мою комнату закрывалась на замок, пару месяцев назад Ваня прикрутил щеколду. Сказал, так ему будет спокойнее. Когда он дома — ерунда, а вот когда его нет, лучше, в самом деле, быть настороже. Кто знает, какие черти пляшут в голове у Валеры. Хотя пока что он руки не распускал, намеков не подавал, только эти неприятные поглядывания, от которых у меня был мороз по коже.

По наставлению брата я закрылась на все замки и, усевшись на кровать, снова стала набирать его номер. Смотрела в потолок и надеялась, что вот сейчас братик ответит! Мне было так тревожно, какие-то страшные мысли лезли в голову, откуда только брались непонятно.

А на той стороне продолжали твердить – абонент недоступен.

Ничего не изменилось ни через час, ни через два, ни через три. Снедаемая тревогой, я встала и подошла к окну. Было так темно, срывался мелкий противный дождь. Безжалостный осенний ветер раскачивал кроны деревьев, а хмурое небо намекало, что скоро пойдет снег и станет еще холоднее.

Я напряженно поджала губы, скрестила руки на груди.

Этой ночью Ваня так и не вернулся.

Глава 11 - Ульяна

Утром первым делом я позвонила классной руководительнице Вани – Людмиле Михайлове. Она женщина открытая, понимающая, а главное — у нее есть номера одноклассников брата. Ведь, если он не вернулся ночевать, ребята из его класса могли подсказать, где искать их товарища. По крайней мере, мне так хотелось думать, хотя и надежды особой не было.

Людмила Михайловна на звонок ответила сразу. Голос у нее был немного запыхавшийся, но бодрый.

– Вы не подскажете телефоны мальчиков, кто с Ваней Ветровым общается близко? Наверняка знаете. Тот же Дима Шавалов или Юрка Репин. Может, и другие есть, я просто... – растерянно лепетала я в трубку.

Честно сказать, никогда до такого не доходило. Да, я пару раз была на собраниях в школе вместо матери, но то собрания, а сейчас экстренный случай.

– Что-то случилось? Я и родителей телефоны могу дать, если нужно.

– Вы не могли бы в общем чате у ребят спросить, может, кто знает, где Ваня? Он домой ночевать не вернулся, – как на духу выложила я. От нервного напряжения едва не грызла ногти, зато мама мирно спала в соседней комнате, убежденная, что сын остался у друга.

– Боже мой! – вскрикнула Людмила Михайловна. – Конечно, конечно. Дай бог все в порядке, и он просто где-то загулял. Если никто не отзовется, у меня есть знакомый в полиции, попробую через него узнать. Вы главное не переживайте, найдется Ванечка целым и невредимым!

– Спасибо большое! – от всего сердца поблагодарила я учительницу и скинула вызов. Участие постороннего человека, его забота и искренняя тревога грели сердце. Хоть кому-то в этом огромном мире на нас не наплевать.

С одной стороны, я очень переживала за брата, а с другой – злилась на мать. Уже вроде и злиться смысла не было, привыкнуть пора, что она словно живет с закрытыми глазами. А может, смотрит через призму розовых очков, где круглый год на небе радуга. Еще и этот Валера с вонючим одеколоном...

Остаться дома было невозможно, поэтому решила – пойду прогуляюсь, в соседние дворы загляну. Вероятность найти там брата маленькая, но хоть как-то отвлекусь, иначе свихнусь от переживаний, сидя дома.

Однако стоило мне только натянуть свитер и джинсы, как замок на входной двери щелкнул, и послышались шаги. Сразу поняла – Ванька вернулся. Пулей выскочила к нему, представляя самые ужасные образы, но внешне брат выглядел абсолютно нормальным. Никаких побоев или чего-то подобного. От него не несло перегаром, только дешевыми сигаретами.

– Где ты был? – прошипела я и, схватив под руку, резко потянула в свою комнату.

К моему удивлению, Ваня сопротивляться не стал: прошел молча и уселся на кровать, как-то странно поджав плечи.

– Отвечай! – уже чуть громче и строже произнесла я. Встала напротив, уперев руки в бока, а у самой внутри ходуном ходило все, будто желе трясется.

– Попытался выиграть билет на поезд мечты, – ответил уныло брат, вздохнув, и натянуто улыбнулся.

Он выглядел уставшим, будто отработал на стройке смену в пятнадцать часов, а прораб ему на заплатил. Я сразу поняла – проиграл деньги. С одной стороны хотелось отругать его, дать хорошего подзатыльника, а с другой — жалко стало. Может, это изначально и была глупая затея с тотализатором, но как горели глаза у Вани — он не ходил по комнате, а летал практически, предвкушая покупку подарка и встречу с Кристиной.

Я присела рядом, положила руку ему на плечо.

– Вань, надеюсь, ты не брал кредит.

– Нет, – ответил он, спустя несколько секунд. Уставился в пол пустым взглядом, дышал медленно, иногда качал головой — в каждом его жесте так и читалась обреченность.

– Ничего, Вань, – я положила голову брату на плечо и прижалась ближе, обхватив его за локоть. – Ты все равно молодец, что постарался.

– Ага, – вздохнул он.

Да так тяжело вздохнул, что мне вдруг показалось – на самом деле ситуация хуже, чем он рассказывает. Мне не хотелось верить в эти навязчиво-глупые мысли, поэтому я их отодвинула подальше. Кредит не брал, и хорошо! А девушку можно завоевать и другими способами. Хотя, конечно, любовь – настолько сложная штука, что порой не понимаешь, с ней лучше или без нее.

Пару минут мы еще посидели молча рядышком, а потом я не выдержала и рассказала брату и про классную, и про то, что искала номера его друзей. Тут Ванька то ли в себя пришел, то ли просто его зацепило: он резко подскочил, стал кричать, обзывать, ходил из угла в угол, едва пар из ушей не валил.

– Как меня все достало! – заявил в итоге брат, развернулся и выскочил из моей комнаты, громко хлопнув дверью.

Честно говоря, я думала, на этом переживания закончатся: не будет больше никаких тотализаторов, кредитов и пропаж. Возьмется братик наконец-то за ум, вот только в понедельник оказалось, что я сильно заблуждалась.

Бывает же так, что с самого утра день летит в тартарары. Все началось с очередной ссоры дома, мама включила режим родителя, о котором забыла несколько лет назад. Она готовила завтрак, пыталась расспрашивать Ваньку об учебе и друге, у которого он якобы остался с ночевкой. Тот отвечал без особого энтузиазма: мычал или кивал головой, а потом вообще психанул, вскочил из-за стола и ушел из кухни. Минуты через две хлопнула входная дверь.

Происходящее настолько задело меня, что я не сдержалась и высказала маме. Нельзя вспоминать о своих материнских обязанностях раз в год, нельзя спокойно реагировать, когда твой ребенок не ночует дома, да много чего нельзя. Мы же ей, в конце концов, не чужие! И про тотализатор сказала, про свои опасения.

– Ты так переживаешь за него, потому что у самой никакой личной жизни, Улечка. Возраст не стоит на месте, оглянуться не успеешь, а уже сорок, — беззаботно отмахнулась мать.

– Зато у тебя все движется, – фыркнула я.

Я поразились ответу родительницы! Выходит я еще и виновата, потому что года идут, а у меня никого на горизонте. Вот оказывается, откуда проблемы, а не в странных приятелях Вани, его желании заработать непонятно каким способом деньги.

– В последнее время ты стала агрессивной, – обидчиво заявила мама.

Было трудно продолжать с ней разговор, он напоминал попытки открыть забетонированную дверь. Я выскочила из кухни, схватила вещи и тоже поспешила прочь из проклятого дома. Плевать, что до учебы еще полтора часа. Лучше уж на улице слоняться, чем сидеть в этой клетке и задыхаться!

Выйдя из квартиры, я вытащила наушники и включила первую попавшуюся песню в ВК. Вдруг стало так грустно, словно кто-то воткнул острый осколок в грудь и активно им покрутил. Еще и песня попала какая-то тоскливая, а слова оттуда резали слух и душу. Я остановилась, подняла голову и посмотрела на пасмурное небо, задаваясь вопросом: всегда ли так будет? Или однажды и в моей жизни появится человек, которому не все равно? Который захочет обо мне заботиться, будет скучать и ждать... Кажется, это из рода фантастики, если даже родная мать не горюет, то что говорить о других.

В универ я приехала раньше положенного и поднялась на второй этаж, где должна быть пара. Усевшись на маленький кожаный диванчик напротив лифта, включила электронную книгу — хоть немного настроение поднять, а то совсем приуныла, как и погода на улице.

Минут через двадцать пришла Анфиска, по уши укутанная в вязаный шарф. Плюхнулась рядом, потирая руки, замершие от холода и начала рассказывать про экспериментальную пару, которую новый профессор будет вести в большом лекционном зале. Обычно, там собирали весь университет на всякие концерты или выступления ректора. Я слушала подругу вполуха, хотя стрекотания Анфисы все же отвлекли от грустных мыслей. В итоге настроение чуть улучшилось.

После третьей пары на лестничной клетке пересеклись с Ивановым — он скользнул по мне взглядом, что-то шепнул другу на ухо, и продолжил подниматься дальше. Может, конечно, показалось, но почему-то возникло ощущение, что его фраза, сказанная другу, касалась меня.

– Бесит этот недоумок, – буркнула Анфиска и, подхватив меня под локоть, потянула на первый этаж, в сторону столовки.

Пройдя еще две лестничные площадки и три факультета, мы добрались до кафетерия.

– Вот это очередь, – сникла Анфиса, заметив толпу у входа.

В главном корпусе всегда было много людей в это время. Своего рода час пик. Я хотела пошутить на тему знаний и аппетита, как вдруг поймала себя на странном ощущении. Словно кто-то пристально смотрел на меня. Спину будто опаляло жаром, я даже автоматически отвела плечи назад, поправляя осанку.

Не сдержав любопытства, оглянулась. Да разве в такой толпе поймешь, кто на тебя смотрит? Сразу почему-то вспомнился Никита. Вдруг он? Хотя нужна я ему, чтобы разглядывать! От этой мысли сделалось немного грустно. Вот зачем мы вообще познакомились?

– Пошли, – вернула меня в реальность подруга.

Мы пообедали, а после занятий прогулялись вдоль пустых улочек. Умудрились пропустить автобус и замерзнуть, но домой мне все равно не хотелось. Анфиска даже спросила, нормально ли дела, мол, странно как-то, почему я вдруг согласилась погулять в такую погоду. Я лишь отмахнулась, типа романтическое настроение — вон и дождь с неба срывается, ветер туман нагнал. Красота же! Нет, оно и в самом деле было красиво, мрачно. Хоть картину пиши в серых тонах.

Когда мы окончательно замерзли, на часах стукнуло шесть. Стемнело, людей стало меньше, зато машин больше — громко сигналили, проезжали туда-сюда, видимо, тоже спешили в домашнее логово.

– Ладно, давай прощаться, – смирилась я с тем, что пора бы и честь знать.

– Может, ко мне? – неожиданно предложила Анфиса.

– В другой раз, – сама не знаю, почему отказалась.

Мы спешно попрощались, потому что подъехал трамвай, на котором ездила подруга, и она торопливо побежала через дорогу, забыв обо всех правилах дорожного движения. Какой-то толстый мужик даже открыл окно в машине и громко выругался, за что получил ответный жест – средний палец.

Я усмехнулась, подняв воротник куртки, чтобы было теплее, и чуть вытянулась, выглядывая вдаль автобус, которого на горизонте не намечалось. В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось «Марина». Странно, чего это она звонит в такое время... Неужели расписание перепутала и приехала на урок?

– Але, – произнесла я, дрожа от холода. Зубы едва не стучали, а пальцы почти не сгибались.

– Ульяна, – проговорила почти шепотом ученица. Из трубки вырывалось ее тяжелое дыхание, кажется, Марина нервничала.

– Что такое? – испугалась я, чувствуя, как внутри все леденеет от плохого предчувствия

- Ваня! Ваня...
- Ваня? Какой Ваня?
- Твой брат... он...
- Что? Что с ним? – сердце ухнуло в пятки.
- Его затолкали в машину и... куда-то увезли. Я сама видела!

Глава 12 - Ульяна

Я плохо соображала, что говорила Алушина дальше, пыталась кое-как переварить полученную информацию, но переживания за брата не давали сконцентрироваться. Кто и куда его увез? Зачем? Что делать?

Пока я мысленно металась, Марина сообщила, что она поймала такси и едет следом за тем джипом, где Ванька. Девчонка настолько сильно переживала о нем, что даже вызовы от матери сбрасывала, не боясь дальнейшей расплаты. Я не стала ничего расспрашивать — только адрес. Нужно понимать куда ехать, потому что ждать на месте я не смогу.

– Давай я доеду и тогда скину, пока могу прислать скрин с приложения такси, с маршрутом. Не знаю, где они остановятся, но мы уже выехали за город.

– Боже! – взвыла я, ощущая, как сердце бешено ходит в грудной клетке, а уши заполняет гул от разъяренного пульса.

– Перезвоню, – взволнованно сообщила Марина и, прежде, чем я успела ответить, сбросила.

Ноги подкосились. Хорошо, что я стояла возле остановки, успела схватиться за ледяную железную трубу, пытаюсь удержаться. В голове метался ураган из ста одной мысли. *Мой Ванька. Мой глупый брат.* Если с ним что-то случится, никогда не прощу себе. *Если...* Из глаз показались слезы, но я быстро утерла их, потому что в этом деле они не помогут. И, что самое обидное, ведь даже позвонить некому, попросить о помощи.

Можно было послать к черту гордость и набрать Иванову, хотя вряд ли он проявит участие после всего произошедшего. Мать явно не поверит, найдет очередную отговорку — у нее свое видение реальности. Анфиса, как и я – девушка, а женская помощь в таких делах по сути бестолкова. Можно было бы в полицию обратиться, только черт его знает, не станет ли хуже. Пока не узнаю точно, насколько все опасно, не буду паниковать. Не убивать же везут Ваньку. А если...

«Нет!», - покачала я головой, пытаюсь отогнать плохие мысли.

Запретить себе думать о плохом, конечно, сложно, однако я пыталась. И время, как назло, будто кто-то поставил на паузу, злорадно выжидая, когда у меня окончательно умрут последние нервные клетки. Уже и людей на остановке убавилось, и пробки закончились, и ноги окончательно заledenели. Казалось, прошла целая вечность, а на самом деле — всего тридцать минут.

Марина позвонила без двадцати семь и спешно сообщила, что они доехали до какого-то старого двухэтажного здания, типа бывшего завода или цеха, которое находилось рядом с бывшей станцией ж/д вокзала. С виду здание казалось заброшено — окна местами выбиты, кое-где стояли ржавые решетки, но входные двери железные, явно новенькие, сказала Марина. Ваньку силком вытащили два мужика, затолкали внутрь и закрыли за собой дверь. Сама же Алушина с таксистом остановились в трехстах метрах от пункта назначения. Водитель наотрез отказался ехать дальше и посоветовал Марине не выходить, а лучше вообще вернуться домой.

Я тоже посоветовала вернуться, а сама помчалась к этой заброшке. Гляну в какую-нибудь щелку: что там вообще происходит, и буду держать руку на пульсе, вернее палец на кнопке вызова сто двенадцать.

Машины поймала быстро, вернее даже не ловила, просто села к первому попавшемуся частнику в старенькую прокуренную шестерку с мягкими сидениями, в которых можно утонуть. Водитель никуда не спешил и плелся со скоростью километров сорок максимум, иногда зевал, иногда ругался на дороге, где яма на яме. А на повороте с городского шоссе окончательно разозлился и словесно буйствовал. Я тоже злилась, только не на администрацию, за плохо выполненные обязательства перед городом, а на проклятого таксиста. Ну почему так

медленно! Вдруг, когда мы приедем, Ваньку моего уже изобьют и выбросят. Или еще чего хуже...

Брат был моим лучиком света, самым важным на свете. Не совру, если скажу, что он был единственным родным человеком. Я не могла представить, что вдруг придется жить без него, от осознания душливой мысли сделалось настолько тошно, что к глазам подкатили слезы.

Кое-как высидела минут сорок в пути, а то и больше, время явно было не на моей стороне. Таксист ехал без навигатора, поэтому вилял, кружил, и в какой-то момент я отчаялась: не найдем. Но, наконец, мы свернули в сторону лесополосы на грунтовую дорогу и километра через два, сквозь лысые деревья, показалось то самое здание.

– Милая, тебе точно сюда? – озабоченно уточнил водитель.

– Точно, подождете пару минут? – спросила я, кусая губу от нервного напряжения.

– Ну... – неуверенно протянул мужчина.

– Добавлю еще сверху, – раздраженно фыркнула я и вытащила пятьсот рублей. Сумма не маленькая, хотя на что я рассчитывала, когда садилась к частнику. – Ладно, только пять минут. Не вернешься — уеду.

– Ага, – кивнула я и торопливо вылезла из машины.

Меня потряхивало, словно от лихорадки. При этом я старалась идти быстро, пускай и нет-нет, оглядывалась. Место, в самом деле, жутковатое, ни людей, ни зверей. Тишина убийственная.

Приглядевшись, заметила за заброшенным строением парковочную зону, видно было плохо, но даже с такого расстояния я насчитала машин шесть, как минимум. Причем не простых, типа той шестерки, на которой приехала я, а дорогие автомобили бизнес-класса.

– Ульяна, – внезапно дернула меня Маринка.

Я резко остановилась, попыталась перевести дыхание. От неожиданности и испуга тело будто прострелило молнией, а сердце заколотилось со скоростью света. Откуда она только выскочила и почему до сих пор здесь?!

– Ты...

– В общем, никто не выходил и не заходил больше, – отрапортовала Алушина, переступая с ноги на ногу.

– Я пойду на разведку, а ты подожди тут, ясно? – строго процедила я. Если и с ней что-то случится — не носить мне головы на плечах.

– Ясно, – кивнула она. – Но если что, я тебя не брошу.

– Если что, садись в ту машину и уезжай. Понятно?

– Никуда я не поеду! – возмутилась ученица. Да с таким напором и уверенностью, будто она — дочка Джеки Чана и может любому отпор дать.

Откуда столько смелости у нынешних подростков – не понимаю.

– Послушай, – вздохнула я, взяв за руки девчонку, и сжала ее ледяные ладони. – Если со мной и с тобой что-то случится, никто не узнает даже где мы. Поэтому кто-то должен остаться и привести помощь. Понимаешь?

– Но...

– Никаких «но»! Пожалуйста, мне и так страшно за Ваню, не заставляй бояться еще и за тебя.

Маринка немного помялась, но в итоге сдалась. Мы договорились: если я войду внутрь и не выйду минут через пятнадцать, нужно бить тревогу. В ином случае, я дам знать, что все нормально, и она может спокойно уезжать. Правда, пришлось таксисту еще сверху накинуть — наглый лис наотрез отказывался простаивать.

Не став спорить, я вздохнула и пошла в сторону заброшки. Конечно, мне было безумно страшно, я-то в жизни в таких местах не бывала. Правильные девочки, вроде меня, обычно сидят дома или в лучшем случае ходят в людных местах. Да и в голове образы такие, хоть

сейчас фильм ужасов снимай. И на Ваню злилась безумно, хотелось как следует ему отвесить за глупые поступки. Именно эти мысли хоть как-то отвлекали и не давали упасть боевому духу.

Напротив железных дверей я остановилась и огляделась, рассматривая строение. Стены из разноцветного кирпича — пять полос белых, одна красная, а у основания треугольной крыши сплошняком красный кирпич. Окна на втором этаже застеклены, а на первом — пустые рамы, на которых где-то стояли решетки, где-то торчали осколки.

Я двинулась чуть правей и попыталась заглянуть внутрь, но было уже темно, да и внутри на первом этаже, судя по всему не было ни людей, ни освещения.

Потоптавшись еще немного, я решила вернуться ко входу. Дернула ручку, и дверь неожиданно отозвалась жутким скрипом. Я вздрогнула, интуитивно сжалась, ощутив, как по спине пробежался холодок. Переступив через собственные страхи, я сделала шаг вперед. В помещение внезапно загорелся свет, да такой яркий, что я невольно на секунду прикрыла глаза. А когда, наконец, проморгалась, увидела перед собой мужчину: высокого, хорошо сложенного, с накаченными широкими плечами, как у настоящего телохранителя какой-нибудь селебрити. На лице не единой эмоции, сплошной камень.

– Здра... – хотела, было, я произнести, как дверь за моей спиной захлопнулась. Я едва не подпрыгнула на месте, дрогнув от страха.

Именно в этот момент незнакомец подхватил меня под локоть и силой потащил к лестнице, ведущей на второй этаж.

Глава 13 - Ульяна

– Отпустите! – крикнула я, когда поняла, что меня тащат подобно мешку с картошкой куда-то вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.